

Александр Плетнев

ЛИНКОРЫ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Александр Плетнёв

Линкоры

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Плетнёв А. В.

Линкоры / А. В. Плетнёв — «Издательство АСТ»,
2020 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-121061-8

Что будет, если в бою сойдутся линкоры Второй мировой войны и корабли современных флотов? Условия для «стариков-линкоров» изначально покажутся проигрышными, ведь современные корабли вроде бы имеют бесспорное технологическое преимущество. Но так ли это? И какое значение имеют доблесть моряков и талант флотоводцев? Посвящается всем тем, кто любит морские баталии, линкоры и крейсера, оружейные залпы главного калибра, подводные лодки и авианосцы!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-121061-8

© Плетнёв А. В., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	6
Атлантика. 05 ч. 30 мин. 55° с. ш. 35° з. д	7
Вся не вся, но англосаксонская рать	26
Royal Navy[17]	28
Линкор «Мусаси»	32
Союзные силы	35
Под флагом «хиномару»[31]	39
Англичане	47
Линкор «Мусаси»	49
Союзные силы	52
Атлантика. 1944 год	54
Наше время	59
Восточная Польша	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Александр Владимирович Плетнев

Линкоры

Роман

* * *

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

© Александр Плетнев, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Выдержка из отчета ученых-астрофизиков института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн:

...таким образом, во время так называемой «Солнечной вспышки» внутренняя атмосфера светила извергает заряженный газ – его раскаленные потоки идут вдоль магнитного поля звезды. Происходит извержение массы короны солнца, разбушевавшиеся частицы отлетают в космос на миллионы километров.

Одна вспышка эквивалентна миллиарду мегатонн тротила.

Обычный солнечный ветер дует со скоростью 400 километров в секунду. Но во время вспышки он превращается в шторм, и уровень рентгеновского и УФ¹-излучения многократно повышается.

Атмосфера Земли, поглощая это излучение, разогревается и как бы «разбухает». То есть на высотах в несколько сотен километров от поверхности планеты увеличивается плотность атмосферного газа. Это способствует торможению спутников на низких орбитах, вплоть до их потери.

Изменение геомагнитного поля приводит к появлению индуцированного тока в линиях передач и трубопроводах. Как следствие: нарушение проходимости радиосигналов, перегрузки в электросистемах, выход из строя тонкой радиоаппаратуры.

¹ Ультрафиолет.

Атлантика. 05 ч. 30 мин. 55° с. ш. 35° з. д

Вот оно, трепещет возле...

Время «до» и время «после».

Атлантический океан со времен открытия Нового Света стал основательно объезженным полем с предсказуемыми повадками, где, наверное, самыми худшими были осенне-зимние арктические ветра.

Однако и этот затаившийся вассал Посейдона готовился к буйству главного светила, уже низвергнувшего на подвластную ему систему и, в частности, на планету Земля свое то ли «вселенское дурное настроение», то ли обычный гневный «пар», выраженный в придуманных земными учеными эквивалентах и миллионнозначных числах, измеряющих энергетический потенциал.

Шторм уже назревал, но люди начали раньше.

* * *

Оперативное соединение флота США, состоящее из пятнадцати кораблей, центром которого являлся авианосец «Джордж Буш», двигалось походной компактной группой, поддерживая минимальную дистанцию и интервал, со скоростью 20 узлов, курсом 210 градусов в юго-западном направлении, патрулируя северные широты Атлантического океана (зона ответственности уже расформированного 2-го флота США).

Первым прокладывал дорогу крейсер типа «Тикондерога», следом побортно строим пеленга-уступа шли эсминцы (тип «Арли Берк»), за ними фрегаты «Пэрри» и снова «берки» – уже в кильватере.

Замыкали эскорт корабли снабжения и еще один «Тикондерога».

В середине ордера распластал свою тушу король соединения – «Джордж Буш».

В общем – шли почти классической тевтонской «свиньей».

В глубинах океана авианосную ударную группу сопровождала АПЛ типа «Лос-Анджелес» – SSN-761 «Спрингфилд»².

На ходовом мостике островной надстройки авианосца, заведомо получив из штаба атлантического командования предупреждение о надвигающейся солнечной буре, принимали должные меры.

Самолету дальнего радиолокационного обнаружения и управления E-6³ было приказано вернуться на авиабазу в Канаду. В воздух подняли пару F-18⁴. Эти две машины были одними из первых введены в строй в серии «Хорнет» и, невзирая на ряд модификаций, поджидали своего часа на списание и передачу-продажу какому-нибудь союзнику-сателлиту.

Командир боевой авиационной части здраво рассудил, что менее навороченные (в плане электроники) F/A-18A будут устойчивей к воздействию электромагнитного возмущения в магнитном поле планеты. Устаревшие машины должны были давно заменить свежими F-35B, но что-то там не ладилось: в штабах флота, в кошельках министерства, в высокопоставленных умах и электронных мозгах. Злые языки поговаривали, что F-35 оказались дорогими, чертовски сложными и капризными машинами.

– Борт один! Я пять-три!!! К взлету готов.

² АПЛ – атомная подводная лодка. SSN-761 – тип корабля и номер вымпела.

³ Boeing E-6 – воздушный командный пункт и самолет связи с подводными лодками.

⁴ F/A-18 «Hornet». (англ. – шершень, произносится «Хорнет»). F/A-18A – первый серийный вариант. Дальнейшее развитие – F/A-18F «Super Hornet».

– Пять-три! Взлет разрешаю. Парни, вы там с электроникой по минимуму, о'кей? Радары отключить. Только визуальный контроль. А то сожжете технику.

– Я пять-три! Вас понял, – пилот, повернув голову, махнул рукой обслуге.

Стоящий справа техник выдернул колодки из-под колес, привычно гримасничая – несмотря на шлем и шумопоглощающие наушники, рев и вибрация реактивных двигателей пробирали до самых костей.

Выпускающий офицер завертел правой рукой в воздухе, давая отмашку. Летчик отпустил тормоз, добавляя обороты движкам. Разгоняемый катапультной самолет стремительно набрал скорость. Палуба кончилась, и «Шершень», чуть просев, стал набирать высоту.

Через нормативные 15 секунд поднялась вторая машина.

Пара дежурных «Супер Хорнет» и «Хокай» параллельно заходили на посадку.

С высоты «острова» авианосца старший вахтенный офицер, по постепенному и едва уловимому изменению цветовой гаммы, наблюдал, как неумолимо надвигается рассвет. Океан под порывами северо-восточного ветра казался темным и холодным, поэтому опытный и, можно сказать, проверенно-обветренный норд-остаами командир корабля поежился скорее от его вида, чем от холода, прогнозируя ухудшение погоды.

На ходовой мостик поднялся командующий соединением – трехзвездочный вице-адмирал Эдгар Хоувэл, зевнул в кулак, щелкнул челюстями и сдержанно поинтересовался:

– Ну, что там у нас? Докладывайте.

– Вот, сэр, – дежурный офицер подал распечатанные на листках директивы командования, подумав: «И чего это старому сухарю не спится в такую рань?»

Тем не менее, повернувшись к младшему офицеру, он распорядился насчет кофе, конечно, пытаясь угодить командованию.

– И?... – Вице-адмирал, следуя расхожему выражению, что «утро добрым не бывает», был не очень разговорчивым, к тому же брюзжаще-недовольным.

Вместо ответа дежурный офицер, начиная медленно раздражаться, нажал кнопку на консоли, включая экран. Тот, вспыхнув, сразу потух, и снова загорелся картинкой, в рабочем режиме покрытой рябью и частыми полосами.

– Меры приняли? – Вице-адмирал никак не мог проморгаться, от этого был слегка похож на известного в свое время французского актера Луи де Фюнеса.

– Еще полчаса назад, как только стала сбоить аппаратура, – сдержанно ответил кэптен, – связи со штабом и спутниками уже нет. В воздух подняли два «старичка» «Хорнета».

– Правильно, зря, что ли, их катаем, – одобрил Хоувэл, – а подлодка?

Офицер пальцем указал вниз, подразумевая глубины океана.

– Тут частенько русские подводные лодки шастают. Так что внимательней там, – промычал вице-адмирал сварливым и назидательным тоном, принимая и сразу отхлебывая кофе. Потом, довольно шурясь на восток, добавил: – Хм, светает.

– Сэр, – офицер связи тоном и всем своим видом давал понять, что новость серьезна, – с эсминца «Салливанз» сигнализируют, обнаружены справа по курсу неопознанные суда.

– Так прикажите ему ускориться, выйти из ордера да нагнать этих... кто там? Рыбачков? – хмыкнул адмирал.

– Сэр!!! – уже растерянно промолвил офицер связи. – Докладывают с эсминца «Рэмедж». Левый сектор эскорта. Многочисленная группа кораблей. Визуальный контакт.

– Сэр! Взгляните на это, – дежурный офицер протянул командиру бинокль.

Тот расслабленно и вальяжно подхватил его одной рукой, но едва поднес оптику к глазам – кофе вылетел из руки вице-адмирала.

– БОЕВАЯ ТРЕВОГА!!!

* * *

Два F/A-18A, поднимаясь до девяти тысяч метров, просвистели турбинами над головными кораблями ордера и удалились от соединения миль на десять по курсу его движения.

Пилоты заложили лихой разворот со снижением до шести тысяч, поворачивая на обратный курс.

Ведущий, лейтенант Денрайт, скосив взгляд влево, округлил глаза: на мерном колыхании океанической пустыни, едва тронутой рассветом, вдруг появились вытянутые белые кильватерные дорожки, тянущиеся за менее заметными серыми силуэтами кораблей. Это было похоже на рассыпанную в боевом порядке эскадру, носы кораблей отбрасывали длинные пенные усы, а крепкий ветер сносил вбок черные, медленно рассеивающиеся полосы дыма из труб, что говорило о приличной скорости всего соединения.

«Один, два, три... дьявол! Срочно доложить!»

– Борт! Я пять-три, я пять-три. Группа кораблей в квадрате сорок девять-сорок, предположительно военные, повторяю...

Тут его прервал взволнованный «ведомый»:

– Командир! Взгляните направо!

Лейтенант перевел взгляд. Он не успел удивиться при виде еще большего количества кораблей по правому борту («Около тридцати», – отметил навскидку опытный летчик.) – в глаза бросились идущие в центре неизвестного ордера два (или три?!) крупных судна – широкопалубных, вытянувших узкие носы. Даже под острым углом с высоты он обратил внимание на необычные высокие надстройки, блямбы башен и торчащие стволы орудий. Привычные площадки для взлета самолетов отсутствовали!

«Линкоры?!»

Он еще находился в недоумении, запоздало соображая и совершенно не реагируя на обильные огненные пятна-вспышки, окрасившие серые силуэты непонятных чужаков. Боковое зрение в секунду дернуло голову в многофункциональном шлеме вправо и чуть выше.

– Ах!!!

Под самолетом «ведомого» сразу за кабиной пилота вспыхнул огненный шар. Остроносый «Шершень» переломился надвое! Обломки мгновенно исчезли внизу и позади, так как лейтенант Денрайт резко бросил машину влево и вверх, уходя из-под обстрела, показав опасности два киля и жаркие сопла, густо загадив небо черным форсажным выхлопом.

Упреждая сигналы бортовых систем о захвате самолета зенитными ракетами, пилот быстро шелкнул по клавишам, отстреливая светящиеся шарики тепловых ловушек и засеребрившийся иней дипольных отражателей.

Еще он что-то кричал в эфир, но внизу и так все уже знали.

* * *

Ходовая рубка авианосца вмиг превратилась в галдящий базар – посыпались десятки команд и рапортов! И без того переполненный треском помех эфир взорвался срочными докладами и распоряжениями! За какой-то миг время вдруг поменяло скорость своего течения, разделившись незримой чертой на состояние «до» и «после».

Время «до», когда проходят четко спланированные учения или даже такие же отретпированные до мелочей военные действия (например, в Персидском заливе), и его (времени!), отведенного нормативами, хватало.

И время «после», когда ни командиры, ни подчиненные, казалось, немного, но постоянно не поспевают за идущим на шаг впереди противником.

Какова скорость мысли? Кто-то романтично заявляет, что скорость мысли быстрее скорости света, потому что мысль рождается мгновенно, и, дескать, эта пока неизведанная переменная – наш будущий проводник к далеким и неизведанным галактикам.

В свою очередь ученые довольно точно измерили максимальный порог скорости прохождения импульса по нервным волокнам человеческого тела – всего лишь 250 км/час. Поэтому в общей совокупности – скорость человеческой реакции весьма медленный процесс.

Мгновенно сформировавшаяся мысль должна себя реализовать – то есть дойти из родивших ее глубин мозга до периферийных, исполняющих органов.

Корабли американской эскадры, объединенные в единое целое с помощью БИУС⁵, «договаривались» между собой гораздо быстрее, чем управляющие ими люди. Человек выступал скорее сдерживающим фактором, внося сумятицу в алгоритмы и приоритеты электронных «мозгов». Речевой аппарат гомо сапиенс не успевал за сформированными в голове приказами. А уж движение рук и ног добавляли те секунды запаздывания, которые могли привести прекрасно налаженную военную машину к гибели.

Среди тысячи мыслей, сразу (за каких-то пару-тройку секунд) посетивших голову вице-адмирала Эдгара Хоувэла, ярче выделялась одна: «ОТКУДА ОНИ ВЗЯЛИСЬ? Как система дальнего обнаружения (все эти ИЗС⁶ разведки, самолеты ДРЛО, корабли РЛД⁷) могла подпустить так близко такое крупное соединение!»

Вице-адмирал жадно вглядывался в бинокль. Темные силуэты огромных кораблей напоминали доисторических динозавров, ужасных и одновременно прекрасных своими заточенными на агрессию линиями.

Мужчины вообще повернуты на военных железках. Девочки никогда их (мужчин) не понимали: «Ну что может быть красивого в угловатых, абсолютно бездарно и невзрачно окрашенных, с торчащими туда-сюда железками, тяжелых... утюгах?» Не могли они понять эту жесткую архитектуру, включающую в себя мощь, защиту, умение не только перемещаться в четыре стороны света, но разить вокруг себя, давая ощущение неуязвимости и могущества.

Колотящиеся мысли в голове адмирала сходились теперь на втором четко сформировавшемся вопросе: «КТО?! Кто сейчас воюет линкорами? Последний раз в бою линкоры применяли Соединенные Штаты. Господи, да там не один крупный корабль! И что, кто-то расконсервировал, вывел с последних приколов корабли-музеи? „Огайо“, „Миссури“, „Нью-Джерси“? Террористы? Офицерский переворот? Невозможно! Не-воз-мож-но!»

Прошло всего полминуты с того момента, как прозвучала команда «Боевая тревога». Вице-адмирал со щемящей тоской в груди наблюдал за чужой эскадрой. Он попытался сосчитать многочисленные малые корабли, сопровождавшие линкоры, когда его замершее сердце, казалось, ухнуло куда-то вниз – чужая эскадра окрасилась всполохами выстрелов.

Прекрасно было видно в бинокль, как нос ближайшего крупного корабля накрывало пеной накатывающей волны... и в это время производился залп главным калибром (а чем же еще, черт побери!), и снаряды с пороховыми газами пробивали перехлестывающую волну, словно пробкой из бутылки шампанского, в искрящихся брызгах вырываясь несущейся смертью в его сторону.

«Я еще сплю, – Хоувэл почему-то не верил в то, что уже стало происходить, – это просто сон, просто страшный сон!»

Он до последнего надеялся, что неизвестные ответят на панические запросы американцев по радио, и недоразумение разрешится.

В следующую секунду уши заполнил звук приближающихся снарядов.

⁵ БИУС – боевая информационно-управляющая система.

⁶ Искусственный спутник Земли.

⁷ ДРЛО – дальнее радиолокационное обнаружение. РЛД – радиолокационный дозор.

Эдгар Хоувэл поморщился – звук тысячами орущих кошек раздирал перепонки. Ему почему-то пришло именно это сравнение – оружие кошки!

«Ненавижу кошек», – подумалось ему, когда у правого борта авианосца встали огромные столбы воды.

ДЗВИ-ИНГ!!! Один из снарядов срикошетил о борт, взорвался в воздухе у кормы, обдав осколками, колыхнув ударной волной стоящие на палубе самолеты.

Еще один жуткий удар!!! Офицеры на мостике невольно присели, когда над ними, где-то выше в надстройке хлопнул, заложив уши, взрыв. На несколько минут оглохнув, они не слышали, как десятки осколков пробивают обшивку и переборки. Они увидели уже результат – рвущийся металл, дробящийся пластик, разлетающееся стекло и кровавые брызги. Искрила и дымила измочаленная аппаратура, терзаемые болью люди катались по полу, сползали по стенкам и стойкам аппаратуры, широко открывая рты, сначала в немом крике, потом все громче и громче.

«Да кто же это?! Китайцы сюда не доходят. Русские? Сумасшедшие союзники-англичане?» – вице-адмирал стоял на мостике, даже не сдвинувшись с места. Казалось, что он и не заметил, как вся эта смертельная шрапнельная вакханалия просвистела мимо. Отметая каждое предположение, Хоувэл смотрел, как вверенное ему соединение рвет на части.

Корабли шли порой среди сплошных стен вздымающихся водяных столбов, окрашиваясь частыми вспышками и дымными шапками, выплевывая смертельное «свое» и принимая убийственное «чужое», вздрагивая залпами и сотрясаясь раздирающими взрывами.

Авианосцу с первым залпом неприятеля повезло – фактически ни одного прямого попадания крупным калибром. А вот кораблям сопровождения...

Головной крейсер горел, черно дымил, потеряв ход. Не имея возможности маневрировать, он стал лакомой мишенью, и минуты его были сочтены. Следующие за ним пять кораблей эскорта резко рыскали по курсу то влево, то вправо. Казалось, их вот-вот накроет, но они словно неуловимые виртуозы всякий раз избегали накрытий, лишь принимая тонны воды на палубы и залетные осколки в надстройки от близких накрытий. Несчастные надводные скорлупки, вырываясь из водяного плена, снова и снова пытались настроиться на атаку.

Кораблям эскорта, идущим с правого траверза авианосца, досталось еще больше. Один фрегат, зарывшись в воду носом, задрал высоко корму и беспомощно молотил воздух винтами. Второй, получив в надстройку ужасающий полуторатонный снаряд, казалось, только от одной кинетической силы удара перевернулся и теперь торчал над водой поплавком острого киля. Крейсер УРО⁸ горел от носа до кормы. Браун удивился: «Что там так может гореть – виниловое покрытие палубы? Не должно!»

Было видно, как от «Тикондероги» отлетают рваные, дымящиеся куски, сотрясая взрывами несчастный корпус, выбрасывая в небо новые сгустки пламени.

Идущие сзади по правому и левому траверзу фрегаты УРО типа «Оливер Перри» и эсминцы «Арли Берк» получили меньше повреждений. Постоянно маневрируя противозартиллерийским зигзагом, фрегаты, пульсируя вспышками носовых артустановок, выпустили и первые ракеты. Следом, наконец, и эсминцы – по максимуму: покрыв палубы и надстройки сизым дымом стартовых двигателей противокорабелок, выплевывали их с секундными интервалами, одну за другой.

Две эскадры шли на встречных курсах. Корабли неизвестных широкой дугой охватывали авианосное соединение по фронту. Скоростные эскадренные миноносцы и легкие крейсера, вырвавшись далеко вперед от крупных кораблей, заходили на американское соединение по флангам.

⁸ Управляемое ракетное оружие.

Удары наносились в упор. Расстояние между противниками стремительно сокращалось до мертвой зоны американских ракет. Фактически рассчитанные на загоризонтный захват целей, американские системы наведения просто не видели противника, компьютеры не успевали произвести расчет целеуказания. Безуспешно пытаясь идентифицировать цели, системы прекращали работать, оставляя корабли фактически не способными к атаке и обороне. Операторы запускали ракеты в аварийном режиме принудительно, рассчитывая, что те произведут захват цели в полете, надеясь, при таком тесном сближении с вражескими кораблями, на четкую работу системы «свой-чужой».

Вероятность попаданий падала прогрессией к сокращению дистанции до целей.

Тем не менее с первыми запусками ракет и торпед американцам удалось поразить несколько кораблей противника. Семь авангардных эсминцев и легкий крейсер атакующих, получив прямые попадания, сразу вышли из строя, запылав, задымив, замедлили движение. Некоторые тонули. Но остальные загонщики, избежав каких-либо повреждений, хищной стаей перли вперед на дистанцию прямой наводки, вспарывая по касательной водяные валы.

Навстречу им рванули зенитные «Стандарты» – имели они, кроме стрельбы по летящим мишеням, и такой вариант применения. Однако и их мертвая зона захвата и поражения так же стремительно подходила к критическим показателям.

Автоматическая система ведения скорострельным артогнем на штатовских кораблях работала почти безупречно, покрывая волны вокруг вражеских судов частыми белыми фонтанами, выбивая куски металла из подсунувшихся совсем близко вражеских эсминцев. Вот только те в ответ тоже вели бешеную, шквальную стрельбу, напирая и давя количеством стволов. Поэтому слабо защищенные башни 127-миллиметровок и малая емкость магазина «Вулкан-Фаланкс»⁹ постепенно оставляли корабли американцев без защиты ответного огня ближнего боя.

* * *

Лейтенант Денрайт поборол свой первый бесконтрольный испуг. Уходя от зенитного огня, он увел машину в сторону, поднявшись на десять тысяч метров над уровнем океана.

Лейтенант ужаснулся, оценив масштабы развернувшейся под ним драмы. Через правое стекло кабины перед ним предстала завораживающая картина попавшего в чью-то невероятную ловушку авианосного соединения.

Весь боевой ордер то тут, то там заволокло дымом, прорезанным вспышками и огненными полосами, частоколом кипящих всплесков, оседающих белыми пенными кругами на фоне темного океана.

Американские корабли, оставляя за собой кривые гребенки белых пенных полос в попытках маневрирования, смешались, порой удерживая интервалы и дистанции не больше полумили, а где и того меньше. Картина менялась неправдоподобно быстро, строй еще больше рушился, кто-то опасно сблизился, фланговые корабли эскорта, наоборот, увеличивали интервал, выписывая кильватерные дуги. Горящие и тонущие суда отстали, уходили из-под обстрела.

Далее не менее впечатляющая, пугающая реальность: темными вытянутыми силуэтами в обрамлении белых бурунов, волоча за собой черные шлейфы дыма из труб, озаряясь вспышками и белыми дымами выстрелов, навстречу авианосному соединению неотвратимо шли корабли противника. Охватывая полукругом, они, казалось, рассыпались хаотично. Растянувшись гирляндой, узкие и стремительные, словно гончие собачки, разбегались эсминцы. А по центру (теперь можно сосчитать) вырисовывалось нечто крупное – линкоры! Один, два, три и еще, за дымом, вроде как силуэт поменьше.

⁹ 20-мм шестиствольная пушка M168.

В эфире творилась полная неразбериха. Не дождавшись какой-либо команды, пилот решил сам атаковать любую приглянувшуюся цель.

Висевшие под крыльями самолета ракеты класса «воздух-корабль» «Гарпун» никак не хотели захватывать цель.

Скрипя зубами, проклиная солнечный шторм, летчик снижался. Наконец звуковой сигнал и метка на панели управления известили о захвате цели.

По нему уже лупили сотни зенитных орудий, когда он, нажав на пуск, потянул ручку управления на себя, бросив машину в сторону от серых бутонов разрывов и зенитной шрапнели.

Уходя на новый боевой разворот, пилот обратил внимание, что у ракет мозги все-таки набекрень. Одна, не долетев до цели, вдруг резко ввинтилась в воду, где и бухнула. Вторая?! Попала! Да не туда, куда целил, – в крейсер поменьше. Следом в тот же корабль вошли еще две ракеты, пробив палубу и жახнув где-то в утробе судна. Пилот, заложив разворот, с интересом взглянул на результат своей работы – враг окутался густым дымом от пожаров.

– Не жилец, – радостно констатировал Денрайт, однако вытянутая стальная посудина, словно успев за минуты избавиться от основных очагов огня, показала узкий нос из дымной завесы.

– О господи! Да он что, неуязвимый?! – взвыл пилот.

Казалось, что особого урона ракеты не нанесли – всплеск огня и дыма потонул внутри стальных переборок и палуб, где еще продолжали тлеть оранжевые всполохи... но вдруг чадающий серый силуэт вспыхнул, выбросив целый огненный фонтан – видимо, детонировал боезапас.

– А-а-а, – скорее, промычал летчик натянувшимися от нового виража губами и, уже выровнявшись в горизонталь, с досадой констатировал, что ракет противокорабельных у него на подвесках больше нет!

* * *

Идущий по левому траверзу авианосца фрегат «Элрод» оказался не в самой удобной позиции – здоровенная туша авиаматки закрыла фрегату директрису наведения, поэтому оператор выпустил ракеты наобум.

Командир американского крейсера УРО «Велла Галф», идущего еще дальше в левой раковине авианосца с предельным интервалом, едва системы наведения обозначили цели, произвел залп сразу с носовых и кормовых ракетных установок. При этом ни на секунду не умолкала носовая 127-миллиметровка, терзая эсминцы противника. Однако те, невзирая на град снарядов, высекающих искры осколков, пробивающих борта, рвущих металл надстроек и защищенных орудий, несмотря на окрасившиеся кровью палубы, упорно лезли вперед. От крейсера, кстати, не получившего до сих пор особых повреждений, описав ломаные дымные полосы, сорвалась дюжина начиненных смертью воздушных торпед с ошалевшими от обилия целей электронными мозгами. Некоторые нашли нужное им плавающее железо, некоторые вошли в более мягкую воду, а некоторые, выжигая топливо, удирали «с поля боя» в ожидании самоликвидации.

Удар четырех «Томагавков» и одного «Гарпуна» пришелся по носовой части и в полубак чужого линкора. «Гарпуны» – так себе – полыхнули, оставив фонтанирующие дымом и языками огня небольшие дырки в броне выше ватерлинии, и канули где-то внутри махины.

А вот два «Томагавка», войдя почти след-в-след, проделали весомую дыру в носовой части корабля. Вода с ревом хлынула в пробоину. Идущая со скоростью 25 узлов бронированная громадина жадно вбирала в себя океан. С креном на левый борт линкор неумолимо зарывался носом в воду, увеличивая дифферент, принимая новые стремительные «карандаши»

с огненно-дымными хвостами. За общим шумом и канонадой только его команде и было слышно, как от мощно вливающейся внутрь воды лопаются под давлением переборки, гулко ухают детонирующие заряды. Нос корабля неожиданно быстро ушел под воду, и вскоре в корме стали вспухать водяные буруны – разбрасывая пенные брызги, показались бешено вращающиеся винты. Корабль терял ход, по инерции величаво разворачиваясь кормой к прежнему курсу.

Машина сопротивлялась гибели своим огромным водоизмещением. Воздух, скопившийся в кормовой части корабля, еще долго удерживал его на плаву, но бурление пузырящихся волн вокруг стального гиганта становилось интенсивней. Дрогнув очередным внутренним взрывом, линкор, словно сдавшись, на удивление быстро стал уходить под воду. Вскоре последний кончик корабля исчез во вспененной воде, оставив жирное маслянистое пятно, кучи плавающих обломков и уцелевших матросов, среди которого рыскали катера спасателей.

Командир крейсера «Велла Галф», несмотря на то что находился в недоумении и моральной подавленности от внезапности убийственной атаки неприятеля, со зловещим удовольствием наблюдал сквозь прорехи в дыму за тонущим линейным кораблем противника и двумя пылающими миноносцами окружения. Воздух в рубке боевого информационного поста вдруг показался душным и спертым, словно климатическая система корабля не справлялась со своей работой. Кэптен видел, как по бритым затылкам операторов, неотрывно следящих за мониторами, текли тонкие дорожки пота. Экипаж осатанело работал, не прекращая попыток на минимальной дистанции взять на сопровождение вражеские корабли.

«Велла Галф», кренясь, прочертил пенный полукруг, в стремлении уйти от вражеских кораблей на более благоприятную дистанцию. Сигналы различных боевых систем, доклады и рапорты офицеров сливались в сплошной шумовой диссонанс. Неожиданно по ушам резанул неприятный звон и скрежет, ощутимо прошла частая дрожь – где-то в ходовой мостик встряли несколько малокалиберных снарядов.

Там, наверно, без непосредственного вмешательства экипажа, сработали автоматические противопожарные системы, захлопывались люки, не позволяя пожарам распространяться.

Внизу, потя, пялились на информаторы, держали на контроле работу автоматики, хоть где-то находя удовлетворение – сигналов о локальных повреждениях не поступило.

– Сэр, справа по борту шумы торпед! Удаление 300! Пеленг...

Командир на своем мониторе видел, что торпеды не представляют опасности и, не дослушав доклада офицера гидроакустической станции, прокричал оператору РЛС:

– Цель?!

– Пеленг – 45 градусов! Удаление двенадцать! Пеленг – 300, 340. Удаление минимальное – десять, девять. Сэр...

Прервав оператора, кэптен приказал увеличить ход. Он и так видел, что бортовые системы не успевали производить расчеты наведения ракет на цели по левому борту – теперь прорвавшиеся на дистанцию прямой наводки эсминцы противника встречали зенитные ракеты и артустановки. Двадцатимиллиметровые снаряды «Вулкан-Фаланкс» буквально вспарывали подсунувшиеся близко легкобронированные эсминцы, поймав РЛС обнаружения и не отпуская, порой превращая надстройки, трубы, весь навесной такелаж в решето и ошметки.

Особо эффективной оказалась 127-мм артустановка – чтобы утопить корабль противника класса фрегат, достаточно было серии коротких очередей.

Крейсер, отслеживая корабли противника, неожиданно потерял цели – справа большой сектор перекрывал длинный и высоченный борт CVN-77¹⁰, антенны «Велла Галф» оказались перекрыты тушей авианосца и его излучающими локаторами. Крейсер, отбрасывая форштевень брызги воды, двинул вперед, выходя из-за «тени» «Буша».

¹⁰ CVN-77 – классификационное обозначение авианосца «Джордж Буш».

Внутри крейсера гудели гидравликой установки вертикального пуска ракет, вгоняя новые модули в предстартовое положение. Взгляд офицера метался от экрана к экрану: то на системы электронно-оптического сканирования, то на дисплеи инфракрасной системы обнаружения, потом снова на оптическую картинку. В конце концов, желая воочию, а не через экран радара, посмотреть на вражеские корабли, он выскочил наверх и, окинув взглядом картину боя, поднял бинокль.

Поверхность океана изобиловала серыми силуэтами чужих кораблей. Громадой вырисовывался линкор. Несмотря на попытки увеличить дистанцию, он, казалось, неумолимо напознал, наваливаясь своими возвышающимися пирамидальными надстройками. Он словно неторопливо брел в дыму и всполохах выстрелов, в пламени локальных пожаров, такой величественный и медленный на фоне рыскающих, мечущихся эсминцев.

Нереальный бой! Нереальный и убийственный для ракетных крейсеров – бой на дистанции пистолетного выстрела!

«Вот так появиться словно из ниоткуда – это удар под дых!»

* * *

С другой стороны, с правого угла атаки, тяжелые корабли противника, один за другим, отправляли залпы в сторону авианосца. И несмотря на то, что тот непрерывно выписывал носом разнородные кривые, плотность огня и размеры цели (более 330 метров между перпендикулярами) сделали свое дело. Частые залпы, пущенные под острым углом с недолетом, ricochetили или впились в борт, сметали все с палубы и надстройки-острова, не давая нормально отработать авиационному дивизиону, заваливая палубу покореженным стальным и дюралевым мусором.

Фактически авианосец, как боевая единица, с первых минут сражения вышел из игры. Попытка выпустить летающие машины проходила в аварийном режиме, когда системы катапультирования и управления взлетом уже почти не работали – слишком неожиданным было нападение, а первые попадания – удачными и эффективными. Громила «Буша» грызла и рвала универсальные и фугасные болванки, лопающиеся взрывной начинкой. Наконец, неизвестные канониры добились ощутимого результата – выдавив из-под палубы у правого самолетоподъемника длинный факел керосинового пожара. К тому моменту с левого траверза из дыма показался хищный нос самого крупного неприятельского линкора. Жуткие башни медленно выписывали поворот, растопортив под разными углами орудия, словно нелепые палки, медленно выравнивающиеся в один ряд. Залп с шести стволов снова укутал бронированного гиганта густым дымом – дистанция почти прямой наводки, снаряды летели по настильной траектории.

Страшный удар сотряс тушу плавучего аэродрома. Судно завибрировало всеми переборками-перепонками, палубами, надстройками, пустив от бортов заметную рябь – залп главного калибра, а эти, как оказалось, 460-миллиметровые снаряды вошли в кормовую оконечность у ватерлинии. Что-то произошло в системе управления рулевыми механизмами, и громадный корабль, вдруг резко накренившись, стал описывать крутую циркуляцию вправо. Нос так резко ушел в сторону, что пропустил еще полдюжины предназначавшихся ему полутоннажных снарядов. На палубе взлетавшую пару «Эф-восемнадцатых» бросило вбок. Первый «Шершень», разгоняемый катапультией, развернуло, ударило крылом о надстройку и уже боком елозило по взлетке, загнав на полосу параллельно взлетающего собрата. Тот тоже, сбившись с прямой линии катапультного трека, по касательной встрял в нарушителя. Сцепившиеся самолеты протаскило по палубе к носовому срезу. Так в обнимку они и рухнули с борта в воду.

Прошедшие впритирку с носом авианосца снаряды нашли свою жертву в виде крейсера «Велла Галф», который неосторожно высунулся, открывая себе сектор для стрельбы.

Один из снарядов, пробив короб носовой надстройки насквозь, вылетел, так и не взорвавшись, лишь окрасившись по пути кровью команды, вскипевшей на горячем металле.

Второй попал в районе задней дымовой трубы и, срикошетив, взорвался в воздухе метрах в сорока от судна.

Не набравший обороты взлетающий «Сикорский» сдуло взрывной волной с палубы. Пилот пытался удержать вертолет в воздухе, но тяжелая машина, кренясь, рухнула в воду.

Еще один снаряд, зарывшись с недолетом в воду, «добежал» до подводной части крейсера, пробил корпусную броню между башней и мостиком, окончательно теряя скорость, встрял в 25-мм стальную плиту, закрывающую погреб, где и взорвался. Палуба крейсера вспучилась. Прогремел сдвоенный взрыв – изорвав на сварных швах, выбив изрядные куски борта, уходящие глубоко под ватерлинию, куда с kloчочущим удовольствием хлынула вода.

Через три минуты, почти без крена, «Велла Галф» сравнялся палубой с поверхностью океана, бурлящего пеной и водоворотами. Вода словно щупальцами просачивалась во все щели и пробоины, спасительно заливая пожары, но неизбежно затягивая корабль на глубину.

С легкой задержкой, словно дав уцелевшим покинуть изуродованную надстройку, крейсер ушел на дно, напоследок украсив серую холодную воду оранжевыми спасательными средствами.

* * *

Тяжелый снаряд, прошив борт авианосца, взорвался под полетной палубой, исковеркав, разбросав листы покрытия. Перекосило последний из четырех самолетоподъемников. Все, что еще успела родить авиамавка – два истребителя-штурмовика да вертолеты. Тоже два.

Беда только была в том, что «Хорнетам» приходилось взлетать прямо на корабли противника. В атаковавшей эскадре, видимо, прекрасно понимали, какую опасность представляет эта пара, и открыли шквальный огонь со всего зенитного ассортимента.

Самолет на взлете наиболее уязвим – малая высота, малая скорость. Крылья еще плохо цепляются за воздух, вся надежда на движки. Летуны, нещадно сжигая горючку, на максимале, на форсаже тянули машины вверх.

Когда под правой плоскостью одного из F/A-18F лопнул зенитный снаряд, машина стала на крыло и сразу потеряла высоту.

Чиркнув концевым профилем крыла о воду, зарываясь, буквально прокатившись по воде с носа на следующее крыло, самолет в брызгах исчез с поверхности.

Второй «Хорнет» вырвался из-под огня, но задымил правый двигатель.

Летчик проконтролировал включение системы пожаротушения, по большой дуге обходя место сражения.

* * *

Бой надводных кораблей продолжался с прежним накалом. Фрегат УРО «Элрод», получив десятки попаданий малокалиберными снарядами, которые изрешетили надстройки, антенны, наружное вооружение корабля, однако не потерял ход. Описав широкую дугу на поверхности океана, подраненно накренившись, он стал удаляться в восточном направлении. Прилетевший вдогонку снаряд, взорвавшийся на мостике, убил часть экипажа, включая командира корабля, осколком срезал и без того измочаленный обтекатель РЛС системы управления ракетным огнем. Еще два попадания – огромная дыра в фазированной решетке от фугаса, артиллерийскую установку у дымовой трубы сместило со станины и заклинило, вспыхнул пожар в вертолетном ангаре, пустив черный дым вверх метров на двести.

Помощник капитана, заменив убитого командира, уводил ставшее небоеспособным хламом судно из-под огня.

Однако далеко уйти ему не дали. Численный перевес противника позволял не упускать ни одной цели. Один из числа атакующих крейсеров отвернул с боевого курса. В течение пяти минут вышел на дистанцию прицельного огня и дал полный бортовой залп по беспомощному противнику.

Когда опали косматые всплески воды, глазам предстало плачевное зрелище – фрегат просел на полностью отсутствующую корму и медленно стал погружаться, задирая нос.

Командир крейсера не отказал себе в удовольствии, выпустив в упор торпеду. Если кто из команды фрегата и пытался спастись, прыгая за надувными плотиками в воду, взрыв торпеды не пощадил ни фрегат, ни экипаж.

* * *

Авианосец был обречен. Уже почти молчало его артиллерийское и ракетное вооружение. Боевой мостик, получивший многочисленные попадания, являл собой искореженное, дымящее и искрящее, залитое кровью нагромождение аппаратуры, смердящее пережаренными человеческими бифштексами. Корабль, как и большинство его эскорта, с самого начала боя лишился управления огнем. Орудия неизвестного неприятеля колотушками вгоняли в горящий авианосец снаряд за снарядом.

Однако командующий силами противника, посчитав, что потопить такое большое судно одной артиллерией сложно, отдал команду на торпедную атаку.

На левом траверзе авианосца еще оказывали сопротивление уцелевшие обреченные фрегаты и один эсминец. Сам авианосец отплевывался единственным скорострельным «Фаланксом» – установка перегрелась и действительно порой не стреляла, а плевалась.

С беззащитного правого траверза атакующие эсминцы волчьей стаей скользнули на дистанцию пуска торпед, не получив отпора, спокойно, как на учениях, отстрелялись, выпустив каждый по четыре торпеды, и, описав на развороте широкие пенные полосы, нагло удалились.

Одиннадцать торпед (одна вдруг ушла в сторону) почти одновременно ударили в борт авианосца.

Дробная череда взрывов прошла вдоль всего корпуса корабля. Затянувшаяся агония приближалась к своей кульминации. От удара торпед порвало внешнюю обшивку, пробило противоторпедную защиту, разнесло часть внутренних переборок.

До этого момента команде еще удавалось эффективно бороться за живучесть корабля, но всему есть предел. Пожары с новой силой расползались по отсекам. Огненное облако проникло в погреба, где хранились зенитные обоймы к «Вулкан-Фаланкс» – патроны один за другим стали лопаться, вызывая безумные рикошеты снарядов о стальные стенки, убивая тех оставшихся в живых, кто еще пытался огрызаться и поддерживать боевое состояние корабля. Загорелась проводка электрических кабелей, выделяя удушливый дым, завоняв жженым пластиком и изоляцией. Лопались переборки, вода заполнила машинное отделение, отсек технического персонала, проникла в компрессорные отделения, ангары с самолетами, перетекая в смежные помещения. Потом черно-оранжевым грибом взорвалось авиационное топливо. Корабль, испуская густой, черный дым, поднявшийся почти на километр, получил крен на левый борт, который медленно, но неотвратимо рос. Казалось, команда уже никак не реагировала ни на выравнивание крена, ни на тушение пожаров. Крен увеличился на 16, затем до 19 градусов. Скорость упала до 12 узлов. Медленно заваливающийся набок авианосец издавал неприятный и пугающий скрип изгибающихся и деформирующихся металлических конструкций. Внутри продолжали звучать взрывы, из многочисленных рваных пробоин и отверстий валил дым и сгустки пламени. Потери экипажа были колоссальными. Внешняя и внутренняя связь полно-

стью отсутствовала, но и без команд сверху экипаж занимался спасением себя – где цивилизовано и организовано, а где в жестокой борьбе за выживание, проходя по головам менее удачливых. Общий шум еще работающего, воющего, лопающегося и рвущегося металла дополняли лающие крики запоздалых команд, панические вопли погибающих и рычащие борющихся.

Вице-адмирал Эдгар Хоувэл сидел на полу в ходовой рубке в неудобной позе, с перебитыми осколками ногами. Каждое вздрагивание корабля отдавалось колющей пульсацией в ранах, и его попытки хоть что-то сказать мельтешащим подчиненным сопровождалось невольными возгласами и вымученными гримасами боли.

– Это японцы! – словно сквозь вату в ушах доносился голос. – Это чертовы япошки! Императорский флот, мать его фак, японо-макаки Ямамото! Я видел флаги! Они передали вызов в эфире!

Хоувэл даже не сообразил, о чем речь – все забирала тупая боль!

Кто-то из медперсонала воткнул ему в правую ляжку прямо через форменные брюки укол обезболивающего, потом, ловко вытащив еще один снаряженный шприц, выпустил его содержимое во вторую ногу.

Затем наскоро, так же поверх брюк, перевязывал сочащиеся кровью раны.

Почти сразу конечности начали неметь, вскоре Хоувэл вообще их не чувствовал, почти блаженно откинувшись к переборке, наконец получив возможность соображать.

Очередной воздушный взрыв, осыпавший палубу и надстройку авианосца сотней осколков, снова ощутимо долбанул по ушам грохотом и скрежетом рвущегося металла. Хоувэла сильно дернуло в сторону. Заполнившись густым дымом, сквозящее решето ходовой рубки за минуты выветрилось, представив перед оглушенным адмиралом жуткую картину.

Искромсанная аппаратура, еще чадающая, покрытая пузырящимися лопухами противопожарной пены. Рядом на полу изломанной окровавленной куклой распластался дежурный офицер и кто-то еще совершенно неузнаваемый – бесформенной грудой, мало похожей на человека. Корабль слегка потряхивало, он продолжал заметно крениться, и казалось, что эти уже мертвые люди продолжают жить, шевелясь, невольно двигая частями тел. Ближе к адмиралу лежала чья-то оторванная ниже колена нога в изорванном огрызке форменных брюк. Покатый пол заставлял этот обрубок неторопливо скользить прямо к нему, шадяще отвернув кровавые рваные ошметки, показав подошву ботинка.

Адмирал заставил себя отвести взгляд, призывая всю свою стойкость, пытаясь подавить эмоции.

«Правая... нога правая... подошва стерта на внешнюю сторону, прям как у меня», – делано-равнодушно подумал он. И тут до него вдруг стало доходить... поворот головы... взгляд, полный тоскливой надежды, на его перебинтованные конечности. Конечность!

«ЭТО ЖЕ МОЯ НОГА!»

Эдгар Хоувэл был весьма крепким человеком, повидавшим всякого, но только от осознания того, что «ЛИШИЛСЯ КУСКА САМОГО СЕБЯ», он тут же потерял сознание.

Еще через несколько минут крен авианосца достиг 26 градусов, все больше и больше увеличиваясь. Передвигаться по кораблю стало совсем сложно. Наконец, гордость Соединенных Штатов Америки опрокинулся на бок, пенным всплеском потушив внешние пожары по борту.

Еще шесть торпед впились в и без того издырявленную, рваную палубу никак не желавшего тонуть левиафана. Они-то его и доконали. Плавающий аэродром перевернулся, погнав бортом волну, показал не совсем, как оказалось, ухоженное днище – какие-то пятна, полосы, словно изъеденные ржавчиной разводы, налипшие водоросли и ракушки. Дрогнув от очередных взрывов, «Джордж Буш» стал погружаться в воду. Затем, последним вздохом испустив остатки воздуха, удерживающего его на плаву, в бурлящих всклокоченных фонтанах, выбрасываемых порой на несколько метров, наконец, величаво скрылся под водой. На поверхности

еще несколько минут кружили масляные водовороты, таская по кругу в пузырях и липнувшем к воде дыме головы уцелевших и мертвых вместе со всяким плавающим мусором.

* * *

В небе, выжигая горючку, носились два «Хорнета». Летчики делали то, что должно – выискивали цели, давили на кнопки и гашетки, уже поглядывая на уровень топлива, понимая, что предстоит полет на запасные аэродромы.

Пилот с подраненного F/A-18F видел – с авианосцем покончено и надо тянуть до ближайших берегов, запрашивая разрешения на аварийную посадку либо канадцев, либо Кефлавик в Исландии.

Расползаясь, дымная пелена порой полностью скрывала из виду корабли, которые выдавали лишь кляксы взрывов, огоньки от выстрелов и пусков ракет. Не заходя в зону действия ПВО противника, пилот просматривал поверхность в инфракрасном режиме, активировав головки наведения ракет. Получив подтверждение о захвате цели (сумасшествие в магнитном поле планеты пошло на убыль), отпустил смерть в полет. Ракеты, разделившись на пары, успешно поразили цели. Бомбы с полуактивным лазерным наведением довести до целей не удалось по техническим причинам.

Во-первых, задымление сбивало наведение по лучу. Во-вторых, несмотря на все технические усовершенствования, ракетно-бомбовые удары с высоты более трех километров являются все же не очень прицельными. К тому же эти две планирующие тушки пилоту нужно было некоторое время сопровождать.

А как это сделать в спокойной обстановке, если в твою сторону оскалились цепными псами десяток эсминцев и легких крейсеров, шпигуя воздушное пространство сотнями зенитных снарядов? У страха глаза велики – чудится, что каждый трассер метит в тебя, и если в сотне метров вспухло серое пятно взрыва, кажется, еще чуть-чуть, и попал бы. И если разум добросовестно сигнализировал: «Не замечено ни одной зенитной ракеты противника», то вбитые в голову рефлексy при учебе, тренировках и участвовавшей боевой практике заставляли частенько с опаской поглядывать на приборы: «А не нахожусь ли я в зоне облучения ГСН?»¹¹

Поднимаясь выше, пилот потерял бомбы с лазерной подсветки, а те в свою очередь, хоть корректировали планирующий полет головкой самонаведения, из-за неверного угла сброса, при большой встречной скорости цели, в итоге булькнули в воду.

Летчик, с чистой совестью считая, что он сделал все что мог, направил истребитель-бомбардировщик на запад.

* * *

Остатки своего неуправляемого ракетно-пушечного вооружения лейтенант Денрайт истратил, умело маневрируя и используя все преимущества скоростной реактивной машины, вволю погоняв (заодно и потопив) легкие суда неприятеля.

Теперь и он взял курс на запад.

F/A-18A Денрайта был покрыт копотью от расстрелянного собственного боекомплекта, с дырами в плоскостях, которые ему, кстати, наставили откуда ни возьмись появившиеся самолеты.

Лейтенант увлекся охотой за одиночкой-эсминцем и прозевал, как противник подкрался на бреющем и неожиданно полосанул из пулеметов. Только скорость Денрайта и спасла. «Шер-

¹¹ Головка самонаведения.

шень» был уже пуст – на вспомогательном дисплее высвечивалась схема истребителя с маркерами боевых и жизненно важных систем самолета:

...внешние узлы подвески мигали красными крестиками – пусты.

...боекомплект 20-мм авиационной пушки – 0!

Речевой информатор доложил о перебоях в работе правого двигателя, замигали тревожные огоньки, сигнализируя о повреждении крыльевых мягких кессонных баков. Пришлось драпать. Оглянулся мельком – на плоскостях вражеских самолетов опознавательные знаки – яркие, красные.

«Звезды? Нет – круги!»

А самолеты... гидросамолеты?!

«Винтовые бипланы?! Надо же! Или показалось?»

Морское побоище растянулось на несколько миль. Уходя, Денрайт плавно опускал машину ниже, разглядывая подробности разбросанных на воде подраненных, дымящих и полужатоженных кораблей, маячившие оранжевым спасательные средства. Это и позволило ему увидеть почти слившийся с гребнями волн еще один самолет противника.

Биплан (действительно биплан!) скользил над самой водой, рыская по курсу, словно ищейка. Денрайт снова с досадой взглянул на показания растраченного боекомплекта. Расстояние до противника быстро сокращалось, и лейтенант, вдруг приняв решение, криво усмехнулся.

Выплюнув струи форсажа из сопел, ускоряясь, «Хорнет» промчал в нескольких метрах над покачивающей крыльями «этажеркой».

Заваливаясь в сторону, Денрайт даже успел оглянуться и, не сдержавшись, захохотал, увидев результат своего маневра – самолет противника, забившись в спутных струях из сопел реактивной машины, неуклюже рухнул в воду.

* * *

Вертолетам вообще в этом бою не удалось выполнить свою боевую задачу. Первые шквальные и неожиданные залпы в начале боя сразу срезали большинство базирующихся на кораблях вертолетов, изорвав тонкие стенки ангаров и их содержимое в основном многочисленной шрапнелью и осколками. Какие уцелели – скоро взлетели и, опасаясь кинжального огня зениток, ушли контркурсом движения соединения.

Однако заняв позицию для атаки, подверглись неожиданному нападению. Маленькие, верткие и явно не реактивные машины с поплавками вместо шасси стремительно налетели, изрешетив висевшие над водой SH-60B¹². Вертолеты рухнули в воду, взбивая ее миксером несущих и рулевых лопастей.

Далее гидросамолеты навели хищников на пытающиеся удрать суда обеспечения американской эскадры, а теперь ходили кругами вокруг разыгравшегося на океанской глади сражения, выискивая недобитков или возможные перископы подлодок.

* * *

Командир американской подводной лодки «Спрингфилд», сопровождавшей авианосное соединение, сразу после погружения приказал изменить курс, забирая далеко вправо. Чуткая аппаратура слежения давно засекла в секторе 1-15 неизвестный объект – предположительно русскую субмарину.

¹² Sikorsky SH-60B Seahawk.

Потом акустики бездарно потеряли контакт.

Противоборство американских и русских подводников было давним и, невзирая на напряженные отношения двух держав, а потом некоторую разрядку, порой сводилось к этакой игре «кто кого».

Невзирая на постоянные заявления американских «морских асов», что русские лодки шумные и их легко обнаружить, «этот умник» (так американец окрестил командира русской субмарины) больше не прослеживался. Лодка ВМФ Соединенных Штатов, повисев в толще воды еще тридцать минут, ничего не обнаружив, повернула в сторону удаляющейся авиационной группы. Понимая, что за час авианосец с ордером далеко не уйдет, командир подводного корабля все же дал команду на полный ход. Просто нравилось ему это непередаваемое ощущение мощи и власти над океаном, когда лодка на тридцати узлах раздвигает воду.

На тридцати узлах подлодка вспарывала воду с таким шумом, что собственные акустики «глохли», доверяясь только компьютеру, который старательно отсеивал и фильтровал все лишнее.

«Лишнее» вдруг заявило о себе неожиданно... и громко!

Там, в нескольких милях, броненосные туши, громяхая своими чудовищными калибрами, буквально «приседали» при каждом строенном залпе, пуская щедрую волну гидровибраций. Не услышать эти «колокола» было просто невозможно.

– Сэр, – доложил офицер акустического слежения через двадцать минут хода, – впереди что-то непонятное.

– Что там, Казинс? – Голос командира звучал несколько недовольно – отвлекли, понимаешь, от приятных дум.

– Похоже, наши «большие парни» затеяли игру.

– Не понял?..

– Да стреляют там. Учения?.. И... игроков прибавилось, – добавил после небольшой паузы лейтенант.

Лодка, снизив скорость, стала подниматься на перископную глубину. По мере поступающих от акустиков новых данных, к хмурости командира добавлялось недоумение. Вскоре высунутые на поверхность перископ и антенны не внесли особой ясности. Медленно и тяжело осмысливаемая радиокакофония, нагрузившая эфир чередой как зашифрованных сообщений, так и не таящихся эмоциональных передач, никак не желала вписываться в привычные рамки понимания.

* * *

Подводный корабль шел на 15 узлах. Перископ вспарывал волны, оставляя за собой явно заметный след. Пилот гидроплана, рысущего над океаном, что-то быстро затараторил в рацию.

* * *

В подводной лодке лейтенант Казинс вытаращил глаза, глядя на командира.

– Прямо и слева быстроходные надводные объекты! – И уже взяв себя в руки, продолжил: – Количество предположительно пятнадцать единиц. Приближаются, сэр.

Повинуясь приказу, «Спрингфилд» стала погружаться.

Самолет как приклеенный висел над водой, обозначая курс корабля. Атакующие эсминцы скорректировали курс, широким веером загоняя дичь.

От поступающих докладов офицеров, у командира подлодки вдруг вспотели ладони. Он не понимал, что случилось наверху, но без сомнения осознавал, что произойдет сейчас под водой.

Веер эсминцев, как овечий помет, сыпанул глубинные бомбы.

Шумоизоляция пропустила звук гребных винтов кораблей, промчавших прямо над ними.

В рубке пошло шевеление, все вроде как вжали головы в плечи, глядя в потолок. А потом тряхнуло так, что свалило всех с ног... даже сидящих.

Как водится, при этом что-то незакрепленное слетело, затарахтев по палубе, где-то лопнуло и зазвенело стеклом, замигали аварийные лампочки. Лодка наполнилась массой нехарактерных доселе звуков, скрипов и шорохов. Потянуло легким дымком, а следом удушливым запахом горячей проводки. Мигали квадратными бельмами экраны. Посыпались доклады с боевых постов. Офицера в отсеке гидроакустики так основательно приложило головой, что он потерял сознание. Ему бросились оказывать помощь. Кто-то из операторов сонара предупреждающе закричал. Информация о том, что за эскадренными миноносцами шли легкие крейсера, с аналогичной задачей – уничтожить лодку, до боевой рубки дошла с запозданием. Субмарину снова ощутимо тряхнуло.

Вильнуть в сторону они успели, однако «Спрингфилд» все же хлебнула забортной воды.

Где-то была течь, и большая, потому что АПЛ, спасаясь скоростью и скорым заполнением балластных цистерн, погружалась быстрее, чем планировалось. Резко, просто катастрофически рос дифферент на нос. Контрмеры предпринимались, но сваливание в подводный штопор было уже не остановить.

Командир субмарины, окидывая взглядом хаос в боевой рубке, слыша характерные скрипы и потрескивания корпуса, сжимаемого давлением воды, ощущая новую серию мелких сотрясений, со спокойной обреченностью подумал: «Три тысячи ярдов океанской бездны не оставляют нам никакого шанса!»

Найдя в себе силы усмехнуться, он громко сказал, повернувшись к лейтенанту Казинсу, который смотрел на командира мутным взглядом надежды:

– Можно смело рапортовать в штаб: «SSN-761 „Спрингфилд“ – место постоянной прописки – Атлантика, Ирмингерская котловина!»

Вода секундным рыком ворвалась через новую пробоину, вдавливая, прессуя воздушную пробку в большом отсеке корабля, нагревая воздух до несопоставимых с жизнью температур, врываясь в широко открытые в крике рты, высушивая легкие, вызывая пожары и взрывы, тут же расправляясь и с ними клокочущими пузырьками вездесущей воды.

* * *

А были ли русские? Ну конечно! Новейший атомный ракетоносец Российских военно-морских сил стратегического назначения «проекта 885». Боевая машина – 13 500 тонн водоизмещения, 119 метров длины.

Командир подлодки улыбался, и было от чего.

Россия восстанавливает свое морское военное присутствие в Мировом океане. Снова становится интересно. Пусть сложнее и даже опасней. Но в подводный флот идут не за легкой жизнью.

«Телеграмма» командования, переданная «Зевсом»¹³, противоречила соглашению о предотвращении инцидентов на море и, можно сказать, была несколько двусмысленна, но перед походом командир атомохода имел личную встречу с главкомом ВМФ.

«Пощекотать пиндосов за пятки! – Он одобрительно поджал губы, вспоминая разговор с главнокомандующим. – Борзеют товарищи адмиралы!»

Теперь у него была своя причина гордиться собой.

¹³ «Зевс» – установка СНЧ-связи на Кольском полуострове.

Лихо управляя подводным крейсером, пристроившись в кильватер авианосного соединения америкосов, а потом и затесавшись в боевом ордере, он надул этих самоуверенных янки. Следуя буквально по пятам за ищущей его «американкой», русская субмарина на грани фола держалась в ее кормовых секторах, оставаясь в акустической тени. Правда, дважды это чуть не привело к столкновению, когда «Лос-Анджелес» совершала резкую циркуляцию и уж совсем неожиданно застопорила ход.

В какой-то момент показалось, что их вычислили...

Но провисев в воде без движения, как показалось, целую вечность (по показаниям бортового хронометра всего полчаса), американская ПЛ сорвалась на полном ходу за удаляющимся соединением.

А вот то, что происходило далее, вызвало поначалу недоумение.

Конечно, атомарина не всплывала, чтобы можно было полюбоваться воочию.

Наоборот, с пятиградусным дифферентом на нос, на минимальной скорости погрузились в безопасные глубины.

Прижав к одному уху наушники гидрофона, командир слушал океан вместе с возбужденными комментариями акустика, литературно переходящими в целые предположения.

И честно говоря, некоторое время екало внутри: не они ли своими вызывающими маневрами спровоцировали чего-то там?

Но вскоре стало понятно – пиндосам явно не до них.

Наверху творилось нечто нетривиальное.

И это мягко сказано.

* * *

На поверхности бой медленно угасал, теряя ожесточенность и первоначальную интенсивность. По мере убывания с «поля битвы» игроков, морское сражение, растянувшись на несколько миль, из зрелищной масштабной битвы переходило в мелкие стычки добивания израненного противника. Самыми активными оставались легкие эсминцы, рыскавшие по поверхности океана, среди обломков в дымных разрывах высматривающие уцелевшего противника. Их пушки – шестидюймовки, пушечки в сравнении с калибром того же крейсера, тем не менее продолжали находить цели – пара американских фрегатов, проявляя чудеса неуязвимости, еще оставались на плаву, один из которых удачно, можно сказать убийственно, огрызнулся из уцелевшей носовой 127-миллиметровки.

Сегодня, видимо, был день артиллерии, и орудия показали этим молодым выскочкам – ракетному оружию, кто по-настоящему бог войны.

Американцы, однако, в долгу не оставались и, ведя ответный огонь, успели потопить торпедами тяжелый крейсер и еще два эсминца противника, прежде чем от эскорта авианосца ничего не осталось.

Победившие начали подсчет потерь и зализывание ран.

Из стального бронированного крупняка гордо возвышались на поверхности лишь два линкора, при этом один из них серьезно повредили две ракеты с F/A-18A, вусмерть раздолбав кормовую башню. Боевая часть ракеты пробилась, будто найдя лазейку под толстую броню, воспламеняя пороховые заряды главного калибра. Следом жажнули находящиеся на линии заряжания два снаряда, разворотив саму башню, снеся часть надстроек, оставив на месте взрыва дымящуюся яму с искореженными, рванными краями. Возможно, урон был бы бóльшим, если бы командир линкора вовремя не отдал приказ затопить пороховой погреб.

Еще пара ракет нанесли смертельную рану тяжелому крейсеру. Несмотря на то что общий вес БЧ¹⁴ двух попавших в крейсер «Гарпунов» составил 454 килограмма, крейсер получил крен и дифферент на нос. Даже если поставить временные пластыри, скорость корабля существенно падала, что могло сказаться на мобильности всей эскадры.

Экипаж открыл кингстоны.

К раненому, медленно тонущему крейсеру подошли эсминцы, принимать на борт команду.

Как это было?

Безумие – нашествие «мертвых армий» или «армий мертвецов» времен Второй мировой войны, обрушившееся на Соединенные Штаты, по всем признакам и вне всякого сомнения, носило исключительно спланированный и массированный характер, это отмечали все аналитики американского штаба.

Кораблями Императорского флота были атакованы морские соединения американцев, военные базы в Тихом океане, на континенте подверглись ударам Нью-Йорк, Вашингтон, Норфолк... и можно еще перечислять. На американскую землю высадился многотысячный десант японской армии.

Информация поначалу показалась фэйковой, затем шокирующей! Что-то успело проскочить по сети интернета, что-то выдали в эфиры средства СМИ, что-то рассказали вырвавшиеся очевидцы, пока...

Пока власти США тотально не пресекли всякую утечку неудобной информации.

Несомненно, обо всем произошедшем в Америке еще сделают душещипательные репортажи, составят подробные хроники... и наверняка будут слагать печальные и героические истории.

Время начала операции было подгадано под момент самого пика солнечной бури, «посадившей» тонкую цифровую аппаратуру, обрушившей работу сложной электроники, практически все коммуникационные и навигационные организации, в том числе и орбитальной группировки.

Впрочем, для многих особенно защищенных комплексов это было временным выпадением из системы.

Вскоре операторы РЛС, станций мониторинга, наведения-целеуказания и прочих, насыщенных микропроцессорной техникой, могли с облегчением рапортовать о восстановлении рабочего режима.

Оказалось, что это ненадолго.

По прошествии десяти кошмарных дней, на которые пришлось самые ожесточенные бои, когда американские вооруженные силы, наконец, начали более-менее справляться с цейтнотной ситуацией, произошел второй удар по электронным системам.

И если верить экспертам, эта атака, в отличие от грубой космической, носила явно рукотворный характер – спланированно и избирательно (возможно, в силу сложности) поразив все новейшие и последние образцы вооружений, напичканные сложными компьютеризированными системами последнего поколения. В то время как аппаратура «вчерашнего дня» продолжала вполне исправно функционировать.

Яйцеголовые, копошась в потрохах, проводя тесты, лишь разводили руками – оперировали такими словечками, как «кибератака», а то и вовсе «чиповая инфекция» или «электронная зараза».

– Атака... это скорее мина, заложенная под наши компании, производящие высокотехнологичные средства. Мы полагаем, что вирус внедрен в элементарную базу еще на стадии матрицы. Но все еще требует тщательных проверок.

¹⁴ Боевая часть.

Самой большой проблемой для любителей воевать не числом, а умением, к тому же не входя в зону ответного огня противника, стала накрывшаяся глобальная система позиционирования – GPS. Многие американские военные чувствовали себя ущемленными, обделенными и даже несчастными. Потому что привыкли... и хорошо им было обнаружить цель в любой точке мира, сидя где-нибудь в далеком Колорадо, и уничтожить ее с не меньшего далека.

Это логично «было» по высокоточному и, в частности, ракетному оружию, где система наведения ориентировалась на космическую навигацию.

Столкнувшись с «инфекцией» электроники в системах РЛС, озадаченные американцы имели все основания подозревать в дисфункции даже сравнительно ранние модификации ударного оружия с головками самонаведения.

Например, «распространявшие демократию» в Югославии и Ираке крылатые BGM-109 «Томагавки».

В тыловых арсеналах остались «старушки» еще тех времен... но на боевом дежурстве, непосредственно «в море», в корабельных пусковых установках покоились «новые», прошедшие модернизацию программного обеспечения с применением всех новинок индустрии.

Произвели пробные стрельбы.

Благо в океане можно было выловить вполне удобную и беззащитную (в плане диполей и радиопомех) мишень.

Спешащий «на разборку» в восточном направлении крейсер «Анцио» высмотрел в нескольких милях подозрительное судно. Сорвавшийся по пеленгу вертолет посредством глазастых пилотов установил принадлежность корабля, приписанного к далекому острову и отдаленному времени.

Произвели пуск.

«Томагавк» вроде бы уверенно захватил цель и, фонтанируя задницей, ушел в нужном направлении.

Пристальные десятки глаз следили за перемещением точки на экранах. Но вдруг «крылатка» повела себя незапланированно. Потянуло «девочку» «налево» – цель потеряла, отвернула в левый сектор и стала опять активно рыскать в поисках чего-кого-нибудь, с подозрением косясь через левое плечо, пока наконец вообще не развернулась. Домой, наверно, в родную ПУ¹⁵ потянуло.

Естественно, плотно сидя на контроле, даже не успев наложить в штаны, янки свою же ракету геройски разнесли на кусочки.

Больше модификации BGM использовать не решались.

«Томагавки» были засунуты куда подальше, однако и не внушающие доверия «Гарпуны» последних модификаций проходили тестирование и калибровку.

А еще у аборигенов текущего столетия наметились существенные проблемы с радиокommunikациями. Привыкшие к тепличным условиям орбитальных ретрансляторов, переговаривающиеся абоненты теперь вынуждены были продираться через треск и шум помех, частые временные сбои сети или вообще полное зависание сигнала.

Операторы зачастую неправильно или неполно воспринимали информацию.

Связь поддерживалась через самолеты радиоэлектронного обеспечения, многие из которых по тем же причинам были полностью или частично недееспособны.

Если к этому добавить (особенно в начальной неразберихе и неорганизованности) закономерные навалившиеся исполнительные и механические проблемы, то для отцифрованных и компьютеризированных вояк вообще наступил какой-то каменный век.

¹⁵ ПУ – пусковая установка.

Вся не вся, но англосаксонская рать

Сигналы с подводных гидроакустических датчиков атлантического рубежа поступили примерно в 04:30 по Гринвичу. Характер шумов говорил о большом количестве надводных кораблей, в предполагаемой классификации – боевое соединение.

По предположениям американского флотского командования US NAVY, это была та самая эскадра, очевидно японская, которая подчистую уничтожила оперативную группу 2-го флота США во главе с авианосцем «Джордж Буш».

Американские аналитики, просчитывая следующие ходы японцев, ожидали встретить их где-то у берегов Канады и были крайне удивлены, получив эти новые данные – эскадра противника уже сутки двигалась в северо-восточном направлении.

Предположительно к берегам Англии.

Выпускники Аннаполиса¹⁶, теперь зная – кто и что им противостоит, обрели уверенность в своих силах и жаждали поквитаться.

Вместе с тем, не все оказалось так просто.

Проблема с электроникой никуда не делась – самолеты дальнего обнаружения, столкнувшись с дисфункцией локаторов и некоторых других систем, были вынуждены вернуться на аэродромы.

В заданный квадрат, гончими псами, устремилось все, что находилось поблизости – можно сказать, по случаю и по сусекам набранные корабли.

И не сказать, что и у них все было в порядке.

Так, например, операторам американских эсминцев УРО «Арли Берк» и «Бэрри», сработанных в 1991 и 1992 годах соответственно, после нескольких перезапусков компьютеров и РЛС обнаружения компании Norden, удалось добиться приемлемого сигнала и адекватных номиналов. Навигационные станции SPS-64 сбились, но выпущенная на той же фирме (Raytheon) станция управления огнем при тестировании не показывала никаких неполадок.

Нечто похожее наблюдалось и на прошедших недавно легкую модернизацию фрегатах «Николас» и «Кэпп».

Более-менее дееспособным (на сомнительный взгляд командира корабля) выглядел крейсер «Анцио». Но он оказался от япошек дальше всех и теперь, форсируя турбины, пытался максимально сблизиться с противником.

А вот новейший эсминец «Майкл Мерфи», сошедший со стапелей в 2011 году, совсем скис.

* * *

Оценив свои возможности перехвата и уничтожения вражеской эскадры как «недостаточные», в штабе объединенного командования вооруженных сил США решили просить помощи у союзников. В данном случае у Великобритании, тем более что (и это было доведено до английского командования) японские корабли, если будут следовать прежним курсом, не без оснований могут нести угрозу островам метрополии.

Не без удивления, а может, и к чьей-то вящей досаде, в Пентагоне узнали, что британцы вполне боеспособны.

Несомненно, союзники по НАТО, в большинстве «повязанные» если не полным доминированием американских вооружений, то интегрировав заокеанские системы в собственные

¹⁶ Военно-морская академия США (англ. United States Naval Academy) – военная академия, готовящая офицеров для ВМС США. Расположена в городе Аннаполис, поэтому сама академия часто также неофициально называется Аннаполис.

разработки, тоже попали «под раздачу» странной компьютерной эпидемии. Но у англичан боевая электронная начинка во многом была оригинальная, то бишь своя, доморощенная, и работала штатно... ну, или почти.

Royal Navy¹⁷

Настроения в штаб-квартире командования Королевского флота в Нортвуде выдерживались исключительно в деловом тоне, соответствуя нормальной рабочей обстановке.

На американские неприятности чопорные британские офицеры смотрели с высоты национальных особенностей и характера – флегматично и невозмутимо.

Изначально Королевский флот фланировал не далее двухсот миль от берегов, но по упрямому настоянию адмиралов, часть кораблей (авианосец «Илластриес», сопровождаемый «рыбами-прилипалами» – двумя фрегатами и эсминцем ПВО) все же выдвинулась навстречу японской эскадре.

Личный состав боевой группы, от простого матроса до самых высоких чинов, готовился к неординарному событию: Императорский флот Японии образца 1944 года в водах Атлантики в третьем тысячелетии!

На борту авианосца-флагмана «сидели» уже не вертолеты, а «Харриеры»¹⁸.

Этих «старичков» вертикального взлета и посадки почти списали и почти продали в «третьи страны», ожидая замены на современные американские F-35.

Однако, пожалуйста – пригодились.

* * *

Только в 14:45 по Гринвичу высланная вперед и разошедшаяся широким фронтом палубная авиация нащупала чужаков.

«Обнаружил эскадру противника в районе сеточных координат... в примерном количестве надводных кораблей... средняя скорость... курс... количество», – забубнил пилот в нашлемную рацию.

Надо заметить, что входящие в ордер английского авианосца корабли в основном предназначались для его противовоздушной обороны.

Эсминец «Диамант»¹⁹ так вообще не нес на борту каких-либо противокорабельных ракет.

Фрегаты «Сент-Альбанс» и «Норфолк» были совсем свеженькими, вооружены ракетами «Гарпун». Однако относительно этих ПКР у экипажа также были некие сомнения – программное обеспечение систем наведения и целеуказания стояло собственное (не американское), но кое-какие неполадки в работе комплекса наблюдались.

А еще англичане не рискнули выпустить в небо новейший противолодочный вертолет «Мерлин».

Некоторое время машина стояла еще на палубе, а потом и вовсе была убрана в ангар. Виной тому был поисково-ударный комплекс, изготовленный янки на фирме «Локхид Мартин», который по уже понятным причинам не прошел проверку.

А вот «старый добрый» эсминец 42-го типа «Эдинбург» нареканий не вызывал.

И его штатный поисковый вертолет «Супер Линкс 300» вписался в поисковый веер, вскоре подтвердив обнаружение кораблей японского авангарда.

¹⁷ Royal Navy (англ.) – Королевский военно-морской флот.

¹⁸ «Harrier» GR9 фирмы BAE Systems.

¹⁹ HMS – эскадренный миноносец типа 45 «Diamond». Номер вымпела D34.

* * *

Оценивая противника в сфере радиопеленгации и локации, естественно, как безнадежно «дремучего», англичане не сильно заботились соблюдением радиомолчания, поддерживая постоянную коротковолновую связь с американскими кораблями.

И абсолютно не утруждались всякими военными хитростями – подкрасться незамеченными к японской эскадре. Не таясь, хлестали мощной радарной плеткой в сторону вражеских кораблей, пытаясь по отраженному сигналу точно определить их количество и классификацию.

Самое интересное, что локаторы вылавливали и прощупывающие ответные радиолокационные сигналы японцев. Английские операторы РЛС презрительно поглядывали на засветившиеся развертки японских радиолокаторов, с видом богов нажимали на кнопки, включая электронное подавление.

Но основная информация поступила, естественно, от пилота «Харриер».

Видимость, конечно, была ниже средней... если не хуже. Но это если выискивать врага с безопасной высоты, остерегаясь куцега зенитного огня образца 1945 года.

Истребитель вывалился из пелены низких грозовых туч, с ревом прошелся над разрозненным строем японских кораблей.

Внизу не отреагировали.

Заложив вираж, «Харриер» ушел на круг, выбирая дистанцию, дабы рассмотреть, сосчитать.

«Ох, ты! Красота!»

Летчик королевских ВВС достаточно насмотрелся за свою службу на флоте на военные корабли. На привычные американские и свои, нередко французские и итальянские, и даже ставшие редкостью русские.

Эти же выходцы из прошлого века, угрюмо-серые, можно сказать brutальные бойцы, ошетилившиеся стволами, вроде бы нелепые своей угловатостью, но почему-то ею же и внушающие уважение. И даже некоторый страх.

Хотя чего ему – наезднику скоростного небесного рысака, бояться этих допотопных исполинов.

Строй японцев все же не был разрозненным. Два больших корабля, величаво вытянув по носу длинные стволы орудий, шли кильватерной колонной, по флангам растянутым строем пеленга-уступа поднимали форштевнем бурун крейсера сопровождения.

Эсминцы, борясь с накатывающими волнами, отставали, растянув хвост эскадры мили на четыре. Далее к востоку дымили еще несколько малых судов.

Продолжая кружить на безопасном расстоянии, летчик передавал информацию на флагман.

По нему не успели произвести ни одного выстрела, да и сейчас никто не палил, возможно, понимая бесполезность этой затеи.

* * *

В задачу Королевского флота вменялось вывести янки на позицию ракетного удара.

Возглавлял оперативную группу контр-адмирал Вильям Джеймс.

Вполне по-английски упрямый, обладая и лично злопамятным характером, он «справедливо» считал, что у Британии есть свой неоплаченный счет... именно к этим япошкам, выходцам из прошлого, из прошлой войны: «Хотя бы за потопленные в 1941 году линкоры „Принц

оф Уэлс“ и „Рипалз“²⁰. – И задаваясь вопросом: – Почему бы нам самим не поупражняться и не пострелять по идеальным мишеням с безопасного расстояния?»

Однако из штаба флота поступили четкие и однозначные распоряжения, ограничивающие всякие излишества в области применения боевых средств.

И было у сэра Вильяма подозрение, что в Нордвуде или в Уайт-холле попросту жадничали, не желая растрачивать новейшие дорогостоящие ракеты.

Поэтому экипажи «разогревали» первые образцы «Си Скуа», откровенно устаревшие «Маверик» и даже противокорабельные французские «Экзосет».

Понимая, что противоракетного у самураев ничего нет, всяким старьем были вооружены и самолеты поискового авангарда. Опять же 150 кило БЧ «Экзосета» против бронированных монстров малоэффективны, а уж о подвешенных к внешним пилонам «Харриер» противокорабельных «Си Скуа» и говорить нечего. Их 35 килограммов взрывчаткигодились если только по маломеркам-эсминцам.

Потянувшиеся на радиопеленг остальные ударные истребители несли на узлах подвески еще и управляемые бомбы. В данном случае специальные – бронепробиваемые.

Но пока от пилотов «Харриер» требовалось лишь выдать координаты противника американцам. А самим, если что, как говорится, быть на подхвате.

Взлетевшему с авиабазы Йовилтон самолету 5-й эскадрильи Королевских ВВС с характерно вытянутой бульбой обтекателя РЛС бокового обзора предстоял не один час полета до зоны боевых действий²¹. Поэтому один из истребителей нес под брюхом вместо двух управляемых бомб контейнер со специфической аппаратурой. В его задачу входило отследить, заснять и даже передать по тонкому радиолучу на авиаматку эффективность американского ракетного удара.

На всех радиочастотах в течение часа передавалось предупреждение о проведении широкомасштабной военной операции в заданном районе, хотя гражданские суда и так больше суток уже носа не высовывали из портов и прибрежных зон.

Корабли Королевского флота, успев встречным курсом приблизиться на необходимо-безопасную дистанцию к противнику, развернулись. Теперь следовали синхронно с японцами, сохраняя выбранное расстояние, недоступное для их даже самой дальнобойной крупнокалиберной артиллерии.

И еще чуть позже командир британского соединения получил извещение, что в район боевых действий командование выдвинуло и атомную подводную лодку «Вэндженс»²². Рассчитывая, конечно, не на ее баллистические «Трайидент», а на управляемое торпедное вооружение²³.

На всякий случай. Перестраховщики!

Правда, подводный корабль, выбранный из принципа «оказался поблизости», все же патрулировал много южнее, и ему нужно было какое-то время для подхода.

²⁰ 10 декабря 1941 года тяжелые торпедоносцы и бомбардировщики японской базовой авиации застали линкор «Принц оф Уэлс» и линейный крейсер «Рипалз» в боевом походе без воздушного прикрытия и фактически безнаказанно забросали их торпедами и бомбами.

²¹ Самолет радиолокационного дозора «Sentinel R.1.». Предназначен для выполнения задач по командованию, управлению, разведке и целеуказанию.

²² «Vengeance» – «Мщение». Номер выпела S31.

²³ Баллистические ракеты Trident-2 D5, производства американской компании «Lockheed Martin Missiles and Space».

* * *

Конечно, англосаксы трезво оценивали боевые возможности противника – выходцев из прошлого: никто и не думал выбрасывать всякие там дипольные отражатели, вести радиоэлектронную борьбу.

Американцы хоть и видели, что мозги у их противокорабелок пошаливают, надеялись – если никто активно помех и ложных целей ставить не будет, то все же удастся удачно поразить цели.

А остатки малотоннажного японского флота погоняет и добьет британская палубная авиация.

Корабли янки постепенно нагоняли японскую эскадру, сокращая расстояние до дистанции 120 километров, приемлемых для дальности полета «Гарпун» – полагая еще до наступления темноты нанести удар.

Линкор «Мусаси»

Утром офицеры выгнали свои не занятые несением службы дивизионы на разминку – традиционную тренировку по рукопашному бою.

Широченная палуба линкора ничем не уступала спортивному стадиону средних размеров, и, несмотря на сильный ледянящий ветер и возросшую качку, полураздетые матросы выстроились в несколько рядов, топая босыми ногами по мокрому настилу.

За всем этим с высоты надстройки, облокотившись на планшир мостика, наблюдал командующий японской эскадрой вице-адмирал Ибо Такахаси.

В дополнение к завыванию ветра до верха долетали дружные команды мичманов и крики матросов, выполняющих заученные упражнения.

Со стороны камбуза (откуда еще) вдруг потянулись аппетитные запахи, сумев как-то пробиться на самый верх, какими-то неведомыми путями, не иначе в открытую рубочную дверь.

«Странно, – мелькнуло у вице-адмирала, – в другие часы распорядка – в обеденное время или к ужину, этого, казалось, всепроникающего мирного запаха никогда так ощущалось. Наверное, наш разум, наши чувства и обоняние уже не так восприимчивы, всецело погрузившись в дневные служебные заботы».

Вой воздушной тревоги мгновенно очистил палубу от лишних людей, оставив только дивизионы ПВО, живо закрутивших башенками дальнобойной зенитной артиллерии, ощерившихся стволами многочисленных строчных автоматов.

На своих боевых постах замерли в ожидании напряженные фигуры заряжающих – наизготовку со стальными магазинными обоймами, бдительных наводчиков и офицеров со стеками, вглядывающихся в небо.

– Англичане, – Ибо Такахаси в очередной раз поднес к уставшим, не выпавшимся глазам большой морской бинокль, – союзнички американцев.

Он вдруг вспомнил то странное место, где они оказались после воскрешения.

«Что-то там говорилось – тем подозрительным неизвестным типом... по поводу поддержки американцев союзниками. Какой-то там „адекватный ответ“. И где же он, этот ответ? Хотя англичане пока еще не открывали огонь...»

Как и планировалось, в первой и неожиданной атаке им удалось соизмеримо разделаться с самоуверенными американцами, уничтожив авианосец и его эскорт с артиллерийских дистанций. Общий процент собственных повреждений даже не дотянул до расчетных.

Правда, этот плюс нивелировался отсутствием ремонтных баз, поэтому не имеющие возможности поддерживать крейсерскую скорость или получившие большие повреждения корабли бросили. Предварительно сняв команды.

Морякам было жаль топить свои израненные корабли, и их просто отпустили, предоставив своей судьбе, словно в весенних ручейках бумажные детские кораблики. Словно дав им последнюю надежду.

Кто-то заикнулся о возможности захвата их врагом, но все и так уже устали от смерти и потери. Пусть плывут.

С некоторым запозданием вице-адмирал Такахаси даже нашел в оставленных кораблях некоторую пользу – на поисковых радарх американцев это лишняя засветка, а значит, отвлечение и распыление сил.

В распоряжении вице-адмирала оставался прекрасный и мощный корабль – линкор «Мусаси». Пеленгом шел вполне боеспособный линейный крейсер «Конго».

Россыпь эсминцев и крейсеров дополняли ударную мощь, но следующий ход, как ни крути, оставался за врагом.

Автономность уцелевших эсминцев сопровождения была ограниченной, да и крупные корабли нуждались в дозаправке, поэтому за время перехода Атлантики эскадра «высосала» до донышка не один танкер.

* * *

С появлением самолетов неприятеля боевые посты на японских кораблях были усилены сверх штатного расписания. Один за другим посыпались доклады о боевой готовности. Напряжение по людским нервам достигло высшего напряжения, но черные точки летательных аппаратов кружили на недостижимом или малоэффективном для зениток расстоянии.

И по-прежнему – атаки с воздуха не следовало.

Стоявший рядом командир линкора капитан I ранга Тосихиро Иногути снова предложил открыть огонь из зенитного оружия, но адмирал молча отрицательно мотнул головой. Погодные условия были отвратительные – ветер резкими порывами срывал с больших покатых валов волн пенные белые барашки, выбрасывая брызги на метры, нещадно накатывая на борта. Дым из труб порой застилал пустынные палубы кораблей, и лишь огни ратьеров мелькали, напоминая о том, что экипажи по-прежнему бдительны и только ждут команды.

«Представляю, как их там, в эсминцах болтает, – подумал Такахаси, – о какой прицельной стрельбе эскорта может идти речь! Это нас здесь с полным водоизмещением и не шелохнет почти²⁴. При таком волнении эсминцы нас только тормозят».

– Эффекта ноль, только отпугнем. Пусть выжидают. Может, они расслабятся, и тогда вдруг удастся отстреляться наверняка, – коротко, словно выплевывая фразы, произнес вице-адмирал. – А пока пусть команды поста двухкоординатного дальномера и особенно посты «94» и «89»²⁵ производят упреждающие вертикальные и горизонтальные расчеты для этих типов самолетов. Не очень-то они и скоростные.

И без перехода спросил:

– Американцы по-прежнему глушат радиосвязь?

– Неопределенно, – ответил капитан Тосихиро Иногути, – сигналы периодически пропадают, но прямая видимость позволяет общаться с мателотами. Если нам удастся продержаться до захода солнца...

– И не надейтесь, тем более что для их приборов слежения и наведения темнота не особая помеха.

– Как знать, как знать, – пробормотал Иногути и тут же осекся – адмирал не любил пустой риторики.

– Самолеты явно с авианосца, под брюхом у них болтается достаточно оружия, почему же они не атакуют? – Вице-адмирал даже не обратил внимания на смущение офицера, а после короткой паузы сам же ответил на свой вопрос: – Они чего-то выжидают! Думаю, на нас выведут корабли с тяжелым противокорабельным оружием, а?

– С «Конго» пришло сообщение, – отвлекшись на офицера связи, доложил флаг-капитан, – их «восемьдесят девятый» пришел в негодность после боя.

²⁴ Водоизмещение «Мусаси» полное: 72 800 тонн.

²⁵ К 1929 году фирма Aichi Clock & Electric Motor Cy (Нагойя) разработала специальное счетное устройство для решения задач зенитного огня (High-Angle firing computer), которое вскоре было принято на вооружение под обозначением 89 Shiki Kosha Shagekiban. Устройство могло рассчитывать вертикальное и горизонтальное упреждение для стрельбы из 80-мм и 120-мм зенитных орудий. Устройство 94 Shiki Kosha Sochi могло рассчитывать различные элементы, необходимые для ведения зенитного огня. В целом устройство состояло из прицельного или направляющего механизма (Aiming or Director Mechanism – Shojun Kiko) и решающего устройства (Computer Mechanism – Keisan Kiko), совмещенных в едином блоке. Для обслуживания прибора требовалось 11 человек.

– У нас остались еще целые самолеты? – Такахаси словно проигнорировал последнюю фразу штабного офицера. По лицу вице-адмирала можно было понять, что он решает какую-то сложную задачу и не находит решения.

– Шесть машин мы еще можем запустить, с небольшим интервалом. Остались разведчики и на легких крейсерах. Но приводниться в такую погоду, не погубив при этом машину, невозможно.

– Пусть приготовят их к старту. Что докладывают наблюдатели за горизонтом и офицеры радарных систем?

Старший офицер не по-уставному пожал плечами:

– Мы по-прежнему не видим противника.

– Сколько на данный момент их самолетов барражирует в воздухе? Семь?

– Так точно. Кстати, наблюдатели докладывают, что они пять минут назад что-то сбросили в море. Если бы это были торпеды – мы бы уже знали. Возможно, это акустические буи.

Неужели они предполагают наличие наших подлодок? Абсурд, субмарины эскадренную скорость не поддержат никоим образом.

– А если это пустые дополнительные баки с горючим? Вы понимаете? У них кончается топливо, а они не улетают, – вице-адмирал вопросительно посмотрел на старшего помощника.

Не получив ответа, Такахаси тяжело кивнул, словно найдя своим мыслям подтверждение. Он чувствовал нарастающее напряжение. В такие минуты он больше доверял своей интуиции, чем логике и расчету, тем более что в этом мире невозможно переиграть противника со сложнейшими вычислительными машинами.

– Теперь они нас на пушечный выстрел не подпустят. Мы ничем не сможем ответить. Это будет наш последний бой, а точнее, избиение, – и вдруг, приняв решение, дал команду: – Прикажите по эскадре: открыть зенитный огонь по воздушным целям противника, самолетам взлет и атака, кораблям рассеяться и... выбрать свой путь к смерти самим.

Союзные силы

Иногда снижаясь и пока лишь имитируя атаку, пилот истребителя-бомбардировщика «Харриер» флайт-лейтенант Элфи Бенсон так и порывался «пощупать» из пушек строгие борта и надстройки самурайских кораблей.

Между авиагруппой и союзными эскадрами поддерживался постоянный радиообмен, и летчики прекрасно были осведомлены о готовящемся ракетном ударе противокорабельными ракетами. В наушниках уже гнусаво искаженным помехами голосом отсчитывались цифры обратного отсчета.

«Ведомый», выполняя задание командования, отрапортовал о готовности включить аппаратуру цифровой записи.

Большой интерес, конечно, представлял японский громила-флагман (где еще такого увидишь), но при всех попытках не упускать из виду все, что происходит внизу, флайт-лейтенант Бенсон прозевал катапультный взлет самолета с кормы линкора.

Тем не менее на приборной доске замигали лампочки чувствительной аппаратуры локационного обнаружения – в небе появился еще один летающий объект.

Впрочем, локатор сразу потерял вражеский самолет – японский пилот поначалу взмыл на сотню метров, сразу же сменил режим полета на бреющий.

Четыре следующих аэроплана с японских броненосцев взлетели более аккуратно, низко стелясь над водой, однако их старт уже не укрылся от встревоженных наблюдателей.

«Ты смотри! В такую болтанку умудрились взлететь на этих фанерных этажерках», – подумал летчик, вслух же быстро известил в эфире:

- Внимание! «Пенсионеры» выпустили самолеты!
- Поясните, ноль-седьмой! А-а-а! Понял! Вижу!

* * *

В это же время произошел старт первых ракет RGM-84 «Гарпун» с американских кораблей.

Пальнуть «Томагавками» так и не решились – честно попытались провести предварительную подготовку, вводя данные в головки самонаведения, но...

Фрегаты выпустили по 8 ракет, два эсминца по 10 ракет с дистанции 90 километров.

Крейсер с предельного расстояния (120 км) выплюнул восемь. Командиру корабля показалось этого мало – в кратчайшем интервале следом устремились еще столько же.

Операторы, уже свыкнувшиеся со сбоями в работе аппаратуры, следили за перемещающимися точками на экранах. Метки на мониторах то начинали двоиться и пульсировать, то регулярно пропадали в белой засветке помех, сливаясь с поверхностью.

Их командиры, отсчитывая время подлета, ожидали рапортов и комментариев от своих подчиненных и пилотов союзников.

У воспаленных электронных мозгов своенравных ракет оказались свои намерения. На сороковой секунде работы маршевых двигателей у изделий «Макдоннелл-Дуглас»²⁶, запущенных с большой дистанции, произошло перенацеливание головок наведения.

Тут надо внести некоторое пояснение в позиции находящихся в боестолкновении кораблей.

Японцы двигались практически в восточном направлении.

²⁶ Ракеты «Гарпун». Производитель – американская компания «McDonnell Douglas».

Английская эскадра шла у них в траверзе на расстоянии 31 мили, чуть опережая противника («сорок вторые» эсминцы и фрегат разделились с тандемом эсминцев ПВО-авианосец, вырвались вперед, перекрывая курсовой сектор японцев).

Американские фрегаты и эсминцы нагоняли японскую эскадру почти след-в-след. От японцев их отделяло, как уже говорилось, менее сорока миль.

Фактически все эти корабли двигались одним курсом – 95°. Лишь крейсер типа «Тикондерога» пер «на всех парах» относительно всех под углом – 45°, почти в траверзе ударной американской группы – постепенно нагоняя и японцев, приближаясь к точке пересечения своего курса с курсом ударной группы. Соответственно сокращалось расстояние и до союзных кораблей.

И кстати, надо еще добавить, что приказ немедленно следовать в сетку заданного квадрата получили четыре подводных лодки США. Правда, время подхода некоторых измерялось десятками часов, и прибыть они должны были уже скорее к шапочному разбору, но полученные по длинноволновой связи приказы их командиры не обсуждали, а выполняли.

* * *

– Сэр! Янки пустили ракеты! – Операторы в тесном информационно-боевом отсеке эсминца «Диамант» сидели бок о бок, почти касаясь друг друга плечами. После команды «Боевая тревога» вся команда напялила полагающиеся им индивидуальные средства защиты.

Белые, почти до локтей перчатки и маски-капюшоны, ниспадающие до плеч с респираторами и специальными отверстиями для наушников, резко контрастирующие с темной морской формой, делали их похожими то ли на химиков-лаборантов, то ли на монашек из французского монастыря – черные одежды и белые кокошники.

– Вижу, – командир корабля дублировал наблюдение на своем мониторе и слушал эфир. Ему почему-то было крайне беспокойно, – продолжай следить, обо всех изменениях – немедленный доклад!

Первые восемь ракет с крейсера, преодолев часть расстояния, вдруг оказались чуть ближе к британским кораблям, нежели к эскадре противника, они все дружно (ракеты) повернули на новую цель.

Такой же маневр совершили и следующие за ними с минимальным интервалом ПКР второго залпа. Ракеты шли над поднимающимися валами океанической воды буквально в пятнадцати метрах, и если бы бритты не отслеживали старт ракет от самых кораблей, вполне возможно, они их могли и прошляпить.

Но все же через несколько секунд замигали лампочки, раздался зуммер автоматической тревоги слежения за воздушным пространством – метки на мониторах шли уже в их сторону, то появлялись, то снова сливались с линией горизонта.

– Сэр! Воздушные низколетящие цели! Скорость – 0,8–0,85! Удаление 30 миль, пеленг – 235 градусов! – захлебываясь, тараторил оператор. – Ориентировочное время подлета три... четыре минуты.

– Черт побери! – Конец доклада утонул в вырвавшемся вопле командира, лицо его вмиг покрылось красными пятнами. – Я так и знал, у этих янки что-нибудь случится.

Дав волю своему гневу еще на пару секунд, тем не менее сузившимися щелочками глаз продолжал считывать показания приборов, уже более спокойно комментировал:

– И идут же, суки – барашки волн стригут, «Си Дарт» не возьмет, как бы и ГСН²⁷ наших «Астер» их не проворонили. А?.. Что «Илластриес?»

²⁷ Головка самонаведения.

– Уже десять минут назад как усилил звено прикрытия. Лазерные указки? – предположил оператор и тут же добавил, получив новую информацию: – Выпустил в небо еще пару «Линкс».

Ракетам до кораблей-целей оставалось 25 километров.

Прозвучала серия команд, но и четко сработала автоматика – вся сложная система лазерной подсветки целей с истребителей, локаторы наведения эсминца ПВО захватили цель. Произошел скорый радиообмен между англами и амерами.

«Гарпуны» еще не вышли на острие атаки, глотая расстояние, скользя над водой, поднимая за собой взвесь водяной пыли. Едва войдя в зону поражения, им навстречу взметнулись тонкие жала зенитных «Астер-15» и «Астер-30».

Радары противокорабелок, щупая поверхность на отражение сигнала, держали «Гарпуны» поближе к мощным водяным перекатам. Но вода стихия не статичная, и нередко пенные брызги достигали сигарообразных машин. Именно в такие моменты водяная взвесь закрывала их от корабельных радаров. Прикрывающее авиакрыло держалось на почтительном расстоянии, опасаясь попасть под удар своих же корабельных средств ПВО.

Атмосферное давление менялось, небо тяжелыми тучами наваливалось, давя на летящую технику, заставляя снижать потолок до шести сотен метров, а то и ниже. Пилоты, бранясь, борясь с болтанкой, теряя перспективу визуального наблюдения, опускали машины. До боли в глазах вглядываясь в пугающие иссиня-черные, с пенными штрихами, воды внизу.

Пилоты прикрытия увидели именно это: быстро приближающееся белесое марево, а не темные силуэты воздушных торпед. Потом блеснули оранжевые шлейфы на контркурсе – зенитные противоракеты. Строй «американок» был достаточно плотен. «Астер-30» не выискивали отдельные умные головы «Гарпунов», пройдя порой много выше, срабатывая бесконтактными датчиками и взрываясь, дырявили многочисленными стальными поражающими осколками топливные баки, рулевые стабилизаторы, баллистическими волнами сбивая с курса спешащие к цели ПКР. Расширяющиеся газы разрывов толкали «Гарпуны» вниз, в воду. Поднимая тучи брызг, одни зарывались головой, другие, получив десятки секущих осколков, вихляя хвостом, теряя скорость, выпаривая выхлопом воду, раскалывались на куски.

Одна ракета, чиркнув хвостовым оперением, брызгами шампанского по белому барашку волны, срикошетив, взвилась выше метров на шестьдесят, где и столкнулась огненным разрывом с «Астер-15».

Естественно, на мониторах локаторов в это время творилась полная чехарда, однако прошли считанные секунды, и операторы за консолями в боевом информационном центре радостно заухмылялись – группа низколетящих целей уничтожена.

Английский офицер связи уверил встревоженных по случаю этого казуса американцев (в сложившихся обстоятельствах штатовцам меньше всего нужны были недоразумения с союзниками) – восемь их взбесившихся ракет сбиты. На другом конце радиосоединения выдерживали паузу недоумения лишь секунды, открыв рот в неопределенном «э-э-э». А потом ошарашили бриттов, дескать, «по их данным в сторону авианосца ушло 16 ракет».

В операторских английских кораблей отреагировали крайне эмоционально... смешав скаузерский акцент жителей Ливерпуля с диалектом соседнего Ланкашира, характерным произношением выходцев из графств Мертир-Тидвил и Кайрфилли, а также смачной бранью просторечья кокни – уроженцев Лондона.

Идущие почти вдогон уничтоженным англичанами ракетам самонаводящиеся роботы-убийцы второго залпа, обрызгиваемые поднятой водяной взвесью, дымом и всполохами близких разрывов, визжа раздираемым воздухом, выскочили под лучи локаторов поисковых систем эсминца и авиаматки. Мельком их увидели и пилоты, взывшие в эфир о новой опасности.

Процессор компьютера системы поиска и захвата цели ЗРК работает на тактовой частоте буквально миллисекунды, информация о несущейся смерти появлялась на мониторе соответственно, люди реагировали лишь минутным опозданием, но и ракеты летели почти со скоро-

стью звука. Вся налаженная система нанесения удара по агрессору зенитными ракетами не успела отработать должно – «Гарпуны» вошли в мертвую зону ЗРК. Тут уже включился последний эшелон воздушной обороны кораблей – «Эрликон», «Фаланкс», «Голкипер»²⁸.

Упругие жгуты трассеров скорострелок, наводимых радаром, готовы были уже вот-вот сорваться с ошестинившихся стволами палуб кораблей...

Рапортовали пилоты «Харриер» о намерении атаки, решить этот неожиданный спор – кто кого...

Командир эсминца уже готов был отдать приказ «Лечь на пол» или «Укрыться», но...

Союзники, черт их побери!

Ответ на запрос кодированного сигнала «свой-чужой» вернулся в разгоряченную башку сначала головной ракеты. Готовый уже взмыть свечкой, для последнего сокрушающего пике, и тем самым пополнить статистику так называемого «огня по своим», огнехвостый робот-убийца, словно его посетил призрак Азимова²⁹ с его выдуманными законами робототехники, ушел с атакующего курса. Безнадежно порывав в поиске новой цели, не найдя желаемого, бесцельно исчез в огненном облаке самоподрыва. Следом с секундной паузой ушли в «молоко» остальные семь сестер-ракеты.

В отсеке боевого информационного поста авианосца «Илластриес» прозвучал приглушенный задавливаемый выдох углекислоты из легких десятка крепких мужиков. Облегченно закрутились бритые затылки, на лицах появились сдерживаемые улыбки – при всей крутости, технической оснащенности британских ВМС, всего этого оборудования и подсистем, обеспечивающих сбор, анализ, обобщение и отображение информации для нанесения удара по воздушным целям, а также эффективности ЗРК и скорострельности артиллерийских систем, каждый следящий за перемещением маленьких точек на мониторе на самом деле затаил дыхание, ожидая прорыва сумасшедших ракет.

На эсминце прикрытия экипаж чувствовал себя поспокойней, понимая, что самонаводящиеся головки ракет выберут более приоритетную цель – двухсотметровый авианосец, хотя разница не особо велика³⁰.

Расположившийся в командно-информационном центре авианосца командующий британской эскадрой, контр-адмирал Вильям Джеймс, отер платком пот с лица, заерзав на кресле, вновь набрал полную грудь воздуха и заорал, гневно сверкнув глазами:

– Передайте этим кретинам янки, чтобы они не вздумали пускать свои долбанутые ракеты! – и уже повернувшись к старшему помощнику: – Как хорошо, что они не использовали «Томагавки». Нам же, джентльмены, следует пересмотреть некоторые установки и поменять диспозицию.

– Сэр, с минуты на минуту поступят доклады от передовой авиагруппы.

²⁸ Зенитная артустановка 3×30-мм Goalkeeper на «Илластриес». ЗАУ 2×20-мм Mark 15 Phalanx CIWS и 2×30-мм Oerlikon KCB на эсминце «Diamond».

²⁹ Айзек Азимов. Писатель-фантаст. Выдумал три основных закона робототехники, общая суть которых сводилась к тому, что робот не должен нанести вред своим создателям.

³⁰ Авианосец «Илластриес». Длина 209,1 м. Ширина 36,0 м. Длина эсминца типа 45: 152 м.

Под флагом «хиномару»³¹

На японских кораблях и не подозревали, что бой уже идет. Если адмирал догадывался, почему самолеты неприятеля их не атакуют, то боевые расчеты зенитных автоматов нетерпеливо смотрели на таких же недоумевающих командиров. Примитивные радары прошлого века по-прежнему не видели удаленных надводных целей.

Несмотря на представление о возможностях оружия современных подводных кораблей, офицеры с эсминцев эскорта, не в силах сломать вбитые в голову стереотипы, отдали команду, и десятки матросов всматривались в беспокойные воды, выискивая вражеский перископ. Хуже всех было, наверное, матросам машинных отделений. Уже зная, что враг их обнаружил и самолеты стервятниками кружат над эскадрой, не имея возможности оторваться от выполнения боевой задачи и подняться наверх по многометровым лестницам бронированных левиафанов, они томились неизвестностью в металлическом нутре. Тем не менее по «матросскому телеграфу» от человека к человеку информация о происходящем с запозданием доходила и до них – враг не решался напасть, явно чего-то выжидая. Многих первоначальное напряжение с объявлением боевой тревоги уже даже отпустило, когда к привычному шуму и вибрации машин добавились новые тревожные звуки.

Японские летчики выстреливаемых катапультами F1M2³² понимали, что фактически они смертники – даже если они выйдут победителями в неравной схватке с самолетами англичан, приводниться при такой высокой волне и не разбить машину практически нереально.

И если уцелеть – сумеют ли их подобрать корабли эскорта? Они готовились умереть и считали, что это их последний полет. Многие садились в кабины, не пристегивая парашюты.

Четыре архаичных биплана ринулись в атаку на врага. Остальные рассыпались в поисках вражеского авианосца. Одному из пилотов не повезло – слишком снизившись, он чиркнул крыльевым поплавком о гребень волны, потерял скорость и, подняв тучи брызг, неуклюже рухнул в воду.

Японцы слишком переусердствовали со скрытностью самолетной атаки – британские летчики все равно засекли их старт, а один биплан был уже бездарно потерян.

Старший полетный офицер, внимательно следивший в бинокль за вражескими реактивными машинами и получавший доклады радиоперехвата (обнаглевшие англы порой совершенно не заботились о скрытности радиообмена), прокричал в эфир новую команду. Выжигая топливо, выдавая все 875 лошадиных сил, пилоты бипланов тянули машины на максимальную высоту³³.

Все события уложились буквально в минутный интервал: небо прочертили пунктиры трассеров, заставив заволноваться и крепче схватиться за ручки управления британских летчиков.

Вышли на боевой режим «Гарпуны» с американских эсминцев и фрегатов.

По команде прыснули в разные стороны японские эсминцы и легкие крейсера, дымя сжигаемым топливом и пороховым выхлопом, окрашиваясь плевками зенитных орудий.

А чуть ранее затерялись в водных просторах суда снабжения, уже давно отстало госпитальное судно, не имеющее возможности соревноваться по быстроходности с боевыми кораблями японской эскадры, набирающими полных ход.

³¹ Одно из названий флага Японии (*яп.* «солнечный круг»).

³² Mitsubishi F1M – «патрульный морской гидросамолет тип 0» – гидроплан, одномоторный биплан цельнометаллической конструкции с центральным поплавком.

³³ Двигатель F1M2 радиальный Mitsubishi Zuisei 13. Мощность 875 л. с. Практический потолок: 9 440 м.

ГСН «Гарпун» наводились индивидуально. Между ними не было никакого согласования по распределению целей. Каждый мини-компьютер в головке наведения выбрал самую большую мишень. Точнее, их было два, самых крупных отраженных сигнала, вернувшихся в возбужденную близостью цели головку самонаведения ракеты.

В последний момент, наблюдая за воздушными эволюциями вражеских самолетов, видя бесполезность стрельбы на таком весьма удаленном расстоянии, ведомый лишь интуицией, вице-адмирал Ибо Такахаси, резко повернувшись к командиру линкора, бросил:

– Прикажите задрать стволы зенитных орудий и пулеметов вверх. Наблюдателям – все внимание на низколетящие скоростные объекты.

Команда была немедленно продублирована.

Понимая озадаченность старшего офицера, адмирал спросил:

– На ваш взгляд, чем они по нам пальнут?

Тот быстро сложил в уме два и два:

– Борта у нас толстые. Менее защищены оконечности. Главная палуба слабее. «Гарпун» сверху?³⁴

– Даже если противник изучил наши слабые стороны, думаю, ракеты будут метить, выбирая центральное направление. «Томагавки» будут грызть наши борта в районе цитадели. Будем надеяться, что броня выстоит. А вот «Гарпун»... совершенно верно – большую опасность представляет удар сверху, – адмирал ткнул пальцем в подволок рубки. – Вы не помните, этот проклятый «Гарпун» в режиме атаки на какую высоту делает «горку»? Именно в это время ракета наиболее уязвима. Необходимо установить точные углы наводки орудий и время установки взрывателя снарядов.

Видя, что старпом не в силах вспомнить, Такахаси схватил папку формуляра, лихорадочно перелистывая, выискивая нужную страницу:

– Стоп! Наводчики-операторы «поста 94» стопроцентно прорабатывали этот вариант. Срочно свяжитесь со старшим офицером боевой части 94.

Отданный в последний момент приказ помог лишь отчасти³⁵. Наблюдающие с биноклями за водной гладью самые зоркие матросы увидели приближающиеся ракеты всего лишь за шесть секунд до их выхода в режим атаки. Хотя и успели указать общее направление...

Артиллерия ПВО по возможности укрыла небо над линкором хлопками разрывов зенитных снарядов, максимально наспиговав его осколками и шрапнелью.

Изменить траекторию полета ракет – бешеное стремительное пикирование, и уж тем более остановить неприцельным пушечно-пулеметным огнем было невозможно. Попадания зенитных снарядов несли исключительно случайный характер. И все же... Десять воздушных торпед, пикируя с минимальным интервалом, окунулись в череду разрывов зенитной преграды, с визгом проскальзывая меж осколков и летящих навстречу снарядов и пуль скорострелок. Лишь две ракеты не достигли цели. Одна, пройдя в метре от разрыва 127-мм снаряда, с изорванной в хвосте обшивкой, фонтанируя вбок из прорехи раскаленными газами, выписывая в воздухе кренделя, встряла в воду в паре десятков метров от корабля, выдав облако пара.

Вторая поймала 252 грамма трассирующего снаряда со скорострелки левого борта линкора, чиркнувшего неглубокой бороздой по зализанной головке самонаведения – получившие сотрясение (эдакий баллистический шок) электронные мозги ракете уже были не нужны. Не потеряв общего направления, тем не менее отклонившись на метры, «Гарпун» разорвался у борта, подняв фонтан воды, не причинив вреда толстому металлу.

³⁴ Линкор японского императорского флота времен Второй мировой войны типа «Мусаси». Основное бронирование цитадели: борт – 410 мм; главная палуба – 200–230 мм; башни главного калибра – 650 мм (лоб), 250 мм (борт), 270 мм (крыша); рубка – 500 мм (борт), 200 мм (крыша).

³⁵ Зенитное вооружение «Мусаси»: 12 спаренных 127-мм/40 орудия, 130×25-мм автомата, 2×2 – 13,2-мм пулемета.

Как ни норовили ГСН ракет целиться аккуратно в центр крупной, вытянутой на 263 метра мишени, двадцать семь узлов полного хода, попытка маневрирования тяжелой машиной, и все те же частые белые бутоны разорвавшихся зенитных снарядов, долбящих ударной волной и баллистическими встрясками по курсу пикирующих огневых сигар, внесли некоторый разброд в концентрированный удар.

Первое попадание пришлось в переднюю мачту-надстройку, обильно напичканную мостиками, рубками и переходами³⁶. Воткнувшись ниже артиллерийского поста, ракета, проявив внутренний дефект, не взорвалась. Изрыгая вверх факел горящего топлива, неумолимо и медленно толкающего ее вниз, она вгрызалась в металл параллельно шахте лифта, словно пиранья в мясо жертвы, пока окончательно не застряла. Высокий огненный факел поджаривал заднюю стенку верхнего мостика, успев лизнуть правое «ухо» 15-метрового дальномера, однако старший дивизиона смог вовремя увернуть всю конструкцию от прямого огня.

Второй «Гарпун» попал за дымовой трубой ближе к левому борту в районе 138-го шпангоута. Имея полубронебойную боевую часть, ракета прошла две палубы, встряла в монолитный агрегат во внутреннем машинном отделении и взорвалась.

Следующие три ракеты вошли в широко расходящуюся за полубаком палубу по левому борту, пробивая внутренние перекрытия. Одна вызвала пожар в матросском кубрике, вторая разнесла в щепки всю мебель в жилом помещении, провоцируя затяжной пожар. Третья врезалась буквально в пяти метрах дальше по ходу к корме, тоже продырявив две палубы, взорвалась, чиркнув по броневой цитадели, не причинив, однако, большого вреда.

Поскольку вся команда находилась на боевых постах, в жилых помещениях незваные гости никого не застали. Пожарные команды тушили последствия взрывов и выработки несгоревшего топлива ракет, порой самоотверженно теряя людей в жестокой схватке с огнем.

Очередной взрыв произошел в глубине линкора в районе 136-го шпангоута, уничтожив службу в отсеке гидромашин, соответственно приведя последние в негодность.

Очередной «гостинец», прошив три палубы в районе 70-го шпангоута и снова в стороне многострадального левого борта, рванув, вызвал пожар в нескольких кладовых.

Последняя из пикирующих, зацепив хвостовым оперением за высокую пагода-образную надстройку, всего лишь кинетическим ударом покончив сразу с тремя прожекторами и их постом управления, упала уже плашмя, изрыгая гейзер из сопла, детонировала на открытой палубе, разметав два зенитных автомата в районе дымовой трубы.

Все это были ракеты, настроенные операторами на выполнение «горки» перед ударом. Следующая серия извергающих огненный хвост снарядов атаковала с горизонтали на высоте от двух до пяти метров. Они словно голодные железоедные хищницы набросились на желанное блюдо, пытаясь пробить борта, скосы и переборки.

Лишь парочке удалось «прогрызть» дырки в носовой оконечности за броневым поясом, добравшись до 300-мм траверза, рвануть, но так и не всковырнуть толстой сталюки.

Какая-то одиночка, нарушая полетную программу, подскочив выше борта, попробовала на свой полубронебойный зуб башню главного калибра. При этом в своем рвении высокого полета зацепила самый стык верхней и боковой бронированных плит, по инерции расплескав огонь своего взрыва вытянутым в бок факелом, снеся два зенитных автомата на крыше башни. Остальные почти бестолково бились, гнули и жгли, и снова бились высокими технологиями в примитивное, но упрямое железо.

³⁶ Американцы из-за внешнего вида называли мачту-надстройку японских линкоров «пагода». Действительно, инженеры решили создать конструкцию, которую нельзя «свалить» попаданием даже самого крупнокалиберного снаряда. Если учителя-англичане довольствовались треногими мачтами, то их старательные ученики установили массивную семиногую, центральный ствол которой представлял собой шахту лифта, бегавшего вверх-вниз – от палубы до центрального артиллерийского поста на топе мачты. Хотя именно на суперлинкорах последних разработок, к которым относится «Мусаси», пагода-образная надстройка была не столь характерна.

После того как команда, оперативно раскатав пожарные шланги, сбива струей воды лоскуты пламени, а санитары унесли раненых, можно было сказать, что в целом линкор не особо и пострадал. Повреждения от ракетного удара, на удивление, были весьма умеренными и сами по себе не повлияли на боеспособность корабля, хотя из внутренних отсеков продолжал валить густой дым.

Однако прошло не меньше часа, прежде чем команде удалось погасить все источники огня.

Корабли уже двадцать минут никто не обстреливал. В небе лишь иногда из низких облаков вываливались вражеские истребители, с ревом и свистом проносясь в отдалении, наседа на букашки-бипланы.

Вице-адмирал Ибо Такахаси, выйдя на открытую палубу, наскоро оценил повреждения линкора: несколько опаленных шрамов и пробоин в палубе, лохмотья зенитных автоматов, полностью выгоревший артиллерийский пост на топе мачты.

«Поразительно, – подумал вице-адмирал, – даже ни одного доклада о затоплениях!»

Потом направил бинокль на крейсер, отстающий на правой раковине в двух милях от головного корабля.

Линейный крейсер «Конго» горел.

Ему и ракет досталось по странному стечению обстоятельств больше.

Ему и в предыдущем боестолкновении основательно перепало: полностью развороченная палуба и орудийная башня на корме, не считая мелких повреждений.

Сейчас же зенитчики крейсера не успели получить приказ (по большому счету бесполезный) о ведении какого-либо заградительного огня. Ко всему, еще головки самонаведения ракет, словно выискав самые слабые места корабля, донесли свои боевые части до важных механизмов и – самое существенное – погребов боезапаса.

«Конго» пылал. Жаркое яркое пламя выбивалось из-за густого черного дыма. Был замечен крен на левый борт (дался ракетам этот левый борт).

Крейсер медленно терял ход, постепенно уходя с курса. Впрочем, тонуть не собирался.

Адмирал отметил мельтешение фигурок экипажа на палубе, косые струи воды – экипаж боролся за живучесть судна. Порой дым сносило резкими порывами ветра, и можно было увидеть, как с развороченного борта, словно изломанные руки, торчали погнутые стволы орудий. Это было жуткое, жалкое и одновременно завораживающее зрелище.

Ближе к носовой части, куда не доходил броневой пояс, корпус корабля щерился безобразными пробоинами, выставив наружу изломанный металл внутренних переборок. В тех местах, где боевые ракеты встревали в легкобронированные участки, почерневшее железо торчало рваными клочьями, внезапно расцветая аляпистыми бутонами оранжевого пламени – где-то внутри происходила детонация снарядов.

– «Конго» обречен? – Рядом обозначился Тосихиро Иноуги. – Будем принимать экипаж к себе на борт?

– Интересно, почему не повторилась ракетная атака? – проигнорировав вопрос командира корабля, спросил адмирал. – Или эти британские самолеты? Почему они не атакуют? Не думаю, что наши гидропланы им как-то могут помешать – мы уже потеряли пять машин, а они, по-моему, ни одного самолета.

* * *

Адмирал не знал, что в данный момент велась острая перепалка между союзниками.

Британцы настаивали, отговаривая американцев от применения ракетного оружия. Из-за его непредсказуемости. Обработывался видеоролик, переданный с борта одного из самолетов. Оценивалась эффективность действия ракет против бронированных японских кораблей.

Пилоты «Харриер» пока так и не получили приказ нанести бомбово-ракетный удар, и единственное, что действительно их волновало, так это малый запас топлива. Информация об ограничении нахождения в воздухе, мигая лампочками предупреждения, неумолимо поступала на приборную панель, заставляя их ускорять события. Может, поэтому, планомерно уничтожая ракетами «воздух-воздух» японские бипланы, англичане умудрились сами хватануть ответных, можно сказать, шальных пуль. Одна подраненная реактивная машина, слегка дымя и вереща аварийной сигнализацией, тянулась к родной авиамадке.

Получил пару дыр в плоскостях и «Харриер» флай-лейтенанта Бенсона. И не подозревая о таковых – ничего важного или имеющего контрольные датчики японские пули не повредили, а обзор на короткие стреловидные крылья из выдвинутой вперед к самому носу самолета кабинки был несколько затруднительным.

* * *

Темные тучи выплюнули два тарахтящих поршневыми движками самолета. По звуку и визуально было видно – летчики ведут машины на возможном пределе: изорванные, дырявые плоскости, у одного перебои в работе двигателя, у другого трепещущее лоскутами на встречном потоке воздуха, измочаленное близким взрывом все хвостовое управление. Пойдя над линкором со стороны кормы, гидросамолеты намеревались приводниться по курсу корабля, в надежде, что их подберут на борт. Сунувшиеся было за ними вдогонку реактивные истребители, не рискуя напороться на белые шапки разрывов зенитных снарядов, свечой взмыли вверх.

Один из гидросамолетов неудачно врезался в накатывающуюся с пенным барашком волну, от удара сорвало центральный поплавок, самолет зарылся носом в воду, взбивая пену пропеллером. Второй, более везучий, уже качался на беспокойной длинной волне.

С момента первых взрывов БЧ ракет на японских кораблях прошло не более тридцати минут.

* * *

Тридцать минут назад пилот «Харриера GR.9a» флайт-лейтенант Элфи Бенсон, подставив крылья набегающему потоку воздуха, взмывая вверх, нашупал локатором переднего обзора в непроницаемой для глаз темной пелене облаков летающий объект. Автоматическая запросная система «свой-чужой» не опознала его как собрата «Харриера». Флайт-лейтенант, не сомневаясь, чей это самолет, после взведения ракеты «воздух-воздух» в боевой режим, захвата ею цели, спустил охотника-убийцу с пилона.

Заваливаясь набок, совершая разворот, летчик следил на информативной панели приборов за совмещением двух точек, отраженных локаторной подсветкой. Эфир привычным фоном потрескивал помехами идущей с севера грозы, шуршал дыханием далеких звезд. Поверху накладывались уверенные и четкие голоса на знакомом наречии операторов боевого информационного центра, команды командира авиаотряда и всего воздушного крыла.

«Харриер», увешанный аппаратурой слежения, уже отвалил на авианосец, спеша полнее удовлетворить любопытство военных спецов.

В командном центре британцев наскоро просмотрели запись ракетной атаки и признали неэффективность подвешного оружия истребителей против тяжелых кораблей.

Два оставшихся над японской эскадрой «Харриера» должны были скинуть свои бомбы на крупных подранков.

Клюнув носом истребителя, Бенсон вывел самолет ниже плотных туч, оказавшись над открытым пространством океана. В восьми милях по курсу дымили пожарами два бронированных монстра прошлого века. В мутной полосе горизонта мелькали силуэты рассеявшейся

вражеской эскадры. Пилот покрутил вокруг головой, увенчанной набалдашником гермошлема, только что назад не извернулся: приборы – это, конечно, хорошо и надежно, но сейчас ведется маневренный бой. Тем более что два (точно) самолета противника еще оставались целы... и еще один предположительно – каким-то образом вертлявым бипланам удалось уйти от самонаводящихся ракет.

Подлетать ближе к стелющим черный дым, упрямо живучим бронированным кораблям майор совершенно не боялся – эффективность зенитного огня противника была чертовски низкая. Сбить его могли если только случайно, хотя командир полетной группы неоднократно разорялся в эфир, что если эта случайность произойдет, подбирать с воды будут уже их окоченевшие от холода трупы.

Вспомнив об этих предупреждениях, флайт-лейтенант лег на крыло, отворачивая с набором высоты, делая полный разворот. Снова то замигал, то стал пропадать индикатор обнаружения цели – впереди шел на бреющем самолет противника. Потянув ручку увеличения тяги, тем самым дав самолету приличный пинок вперед, Бенсон быстро нагнал биплан. Выровнял скорости, медленно сокращая расстояние.

О! Чуть правее еще одна «этажерка» – тянет, скользя над самой водой, к своим кораблям.

Еще раз быстрый взгляд на приборную панель: из оружия остались – две пушки, две бомбы, в глаза снова бросились навязчиво неприятные показания количества топлива и таймера точки невозврата. В наушниках буркнул голос напарника – он-де справа позади, идет ведомым.

«Пушками это даже интересно», – подумал флайт-лейтенант, вгоняя маневрирующий ниже беспомощный самолет в центр паутины электронного прицела. За весь сегодняшний воздушный бой он первый раз видел противника так близко. Бенсон успел даже разглядеть дыры от попаданий на плоскостях, один из самолетов слегка дымил.

«А-а-а! Получили, узкоглазые!» – превосходство и легкое злорадство, не более.

Неожиданно в задней кабине биплана заплясали оранжевые огонечки, и к британскому истребителю потянулся тоненький ручеек трассеров.

– Ах ты! – воскликнул флайт-лейтенант. – Да у него там стрелок!

Неожиданно сквозь звукоизоляцию шлема в уши ударил тупой звук – фонарь кабины впереди покрылся мелкими трещинами.

– Ничего себе! – От неожиданности потянув ручку на себя, он взвинтил истребитель вверх. И только щеки тряслись, оттягиваясь вниз от перегрузки, да внутренности запротестовали, спрессовываясь в натренированном теле.

– Седьмой, что у тебя? – голос «ведомого» в эфире.

– Фонарь поврежден.

– Выполняем приказ и уходим.

– О'кей!

Пилоты распределили цели, заходя на рубеж атаки.

* * *

«Мусаси», обильно пустив дымовую завесу, менял курс.

Наступило некое затишье, и только где-то из-за «вне пределов видимости» долетали звуки реактивных двигателей британских самолетов.

Эскадра подстраивалась под израненный «Конго», сбавив ход – с крейсера просигналили, попросив отсрочки для восстановления корабля после атаки, обещая исправить повреждения.

Воспользовавшись этим затишьем, командный состав флагмана поднялся на мостик. Именно в этот момент сигнальщики доложили, что впереди по курсу линкора наблюдают приводнившийся гидроплан.

В другой бы раз заниматься спасением экипажа поручили эсминцу эскорта...

Командир корабля, опустив бинокль, обратился к адмиралу:

– Самолет выглядит вполне целым...

– И что?

– У нас на борту не осталось ни одного. Разведчик нам не помешает... как там все в дальнейшем сложится, неизвестно.

Ибо Такахаси лишь с сомнением повел головой, со странной отстраненностью махнул рукой: де, «делайте, что считаете нужным», ничего более не сказав, покинул мостик.

Капитан 1-го ранга Тосихиро Иногути не успел еще отдать новых распоряжений, как неожиданно впередсмотрящий разглядел еще кого-то за бортом, крикнув:

– Вижу еще двух человек в воде на два румба вправо!

– Это, вероятно, экипаж с утонувшего самолета. Был еще один гидроплан, – тут же пояснил штаб-офицер, – можно и этих подобрать, но на такой скорости мы проскочим мимо.

– Машинам – стоп! Полный назад! – реакция командира была мгновенной.

Резко звякнуло устройство машинного телеграфа.

– Право на борт!

Наверное, в этом было какое-то провиденье богов или просто высшая справедливость. Идущие на выручку многотонной махиной неполные 2500 человек экипажа (минусuem погибших) к двум барахтающимся в холодной воде совершили те эволюции и маневрирования, которые вкупе с другими не менее важными факторами способствовали, возможно, общему выживанию всего корабля.

Уж по крайней мере избежать весьма серьезных повреждений.

* * *

Перед глазами у флайт-лейтенанта Бенсона, невольно косящегося на паутину трещин в лобовом блистере, злобно замигал маркер цели – до избранного компьютером варианта целей оставалось менее десяти километров, но он не мог атаковать: лазерная указка наведения плясала по мини-монитору, не желая четко определиться с захватом цели.

Низкая облачность, мешающая оптимальному сбросу бомб, запас топлива, испорченный фонарь кабины заставляли флайт-лейтенанта нервничать и делать ошибки.

Наконец визир гермошлема запульсировал – вот оно!

Самолет, еще пройдя секунды в горизонтали, медленно задирая нос, набирал высоту.

Возможно, он переусердствовал.

Скорей всего, уж слишком он хотел выполнить все безукоризненно и четко.

Палец уже дрожал на кнопке сброса. Истребитель-бомбардировщик слегка трянуло, непроизвольно пилот дернул ручку управления на себя – «ах, по нему стреляли зенитки этих допотопных самураев!», но после расколотого блистера самоуверенности в голове британца поубавилось, стало... не то чтоб совсем, но страшноовато.

Перед носом самолета, совсем близко, вспухла белая шапка разрыва зенитного снаряда. Резко потянув ручку управления рулями высоты, он бросил!..

Бросил самолет с перегрузками вверх и...

...И бомбы.

– Черт побери! – Он только сейчас сообразил, что отпустил бомбы почти в режиме кабрирования. Получив лишний подскок вверх, головка наведения УАБ³⁷ пыталась парировать лишнюю высоту, и ей бы это удалось, но...

³⁷ УАБ – управляемая авиабомба.

Два огромных столба воды встали слева в тридцати метрах от узкого носа линкора, оседая, окатив пеной палубу корабля аж до полубака. Линкора, который, уже завертев винтами в реверсе, успел сбавить ход до неполных 8 узлов... можно сказать, ради двух летчиков.

Надрывающийся в восходящем маневре «Харриер» вдруг выдал пилоту серию предупредительных сигналов – «недопустимые нарушения конструкции».

Полученные ранее маленькие дырочки от пуль 7,7-мм калибра с оборонительной кабинки патрульного гидросамолета F1M, после ряда маневров и перегрузок, вызвали нарушение несущей конструкции. О чем, собственно, верещал бортовой компьютер.

На восходящем вираже «Харриер» стал терять стабильность – от наплыва правого крыла, получившего снизу рваную дыру, под напором встречного потока воздуха стали отлетать куски дюралю. Ему вторил обтекатель подкрыльной стойки шасси на той же плоскости и тоже с дырками в обшивке. От их совместных усилий завибрировало все крыло и попросту стало разваливаться, сначала отлетел элерон, сорвав лоскуты обшивки в хвостовой части фюзеляжа, обнажив отсек радионавигации, досталось правому цельноповоротному стабилизатору и килю. Самолет вдруг резко начало тряс и болтать с тяжелыми перегрузками, доводя пилота до обморочного состояния. Никто бы его не упрекнул за естественное и отработанное до инстинкта выживания движение к рычагу катапульты.

* * *

«Конго» преследовал злой рок...

Крейсер не менее здоровенная дура – полное водоизмещение 32 200 тонны. Заложен в 1911 году. Спущен на воду в 1912 году. Прошел ряд модернизаций.

Ударный истребитель Королевских ВВС Великобритании заходил в атаке на детище британской верфи³⁸. И опять проскользнуло что-то символическое в этом действии. Словно что-то из местечковой крылатки творения писателя одного ныне самостийного племени – «я тебя породил, я тебя и убью».

Две AGM-62, рассчитанные на пробитие бетонных укрытий, канули в густом дыму, закрывшем четкие контуры и обводы крейсера. Но педантичную электронику не обманешь – одна бездумная чушка, в основном набитая взрывчаткой и в малом электроникой, реализовала мечту бомбометов прошлого века – вошла точно в обрубок передней дымовой трубы, вторая воткнулась в упругость стали второй носовой башни главного калибра. Мгновенно корабль окутался облаком пара взорвавшихся котлов. Следом коллективно детонировали бомба и снаряды в пробитой башне. Через две минуты огонь добрался до погребов. От взрыва в нескольких местах лопнул корпус. В прорехи хлынула вода. Крейсер затонул буквально за несколько минут, водоворотом таща за собой все, что имело нулевую плавучесть.

³⁸ «Конго» строился по заказу Японии в Англии по проекту сэра Джорджа Тэрстона фирмы Vickers Ltd.

Англичане

– Надо немедленно отвести наши морские силы из зоны покрытия американских «Гарпунов»! Янки сколько влезет могут долбить по уцелевшему линкору и повернувшим в их сторону эсминцам. И северное направление пусть останется за ними, там сейчас как раз полно блуждающих айсбергов, – усмехнулся главнокомандующий Королевским флотом адмирал Трэвор Соар, разглядывая тактическую панораму со всеми условными значками, освещающими обстановку на море, – была б моя воля, жажнул бы по желтопузым из всего, что есть, не растягивая это дело к ночи. Так эти хреновы «пиджаки» из министерства не желают тратиться на новые ракеты!

Пройдясь по залу оперативного командного штаба, нервно расстегнув китель, адмирал продолжил в замершее молчание притихших офицеров штаба:

– Интересно, какая это крыса доложила им, что в сторону метрополии направились лишь пять малых кораблей противника? А? Естественно, они решили, что Британии ничего не угрожает. Видите ли, они «не хотят влезать в большую бойню», – передразнивая голос премьер-министра, негодовал адмирал, – уже влезли. Сначала они, понимаешь, в целях экономии средств снимают с боевых кораблей ракеты, потом находят для нас какое-то старье, которое, я думал, мы давно истратили в Ираке³⁹. А потом еще удивляются, когда по пригородам Лондона шарахаются толпы арабов и крушат вокруг всё и вся.

И довел свое негодование не вслух: «И это при том, что после анализа потерь в американском флоте в коридорах военных ведомств Великобритании нашлись умники, которые стали на полном серьезе заявлять о возрождении былого величия Королевского флота. Полные кретины! Хотя по многим позициям янки нам теперь уступят. Что уже неплохо».

– Что? – Вопрос был адресован вытянувшемуся капитан-лейтенанту.

– Сэр, – тот осторожно доложил, усиленно пытаясь скрыть натянутую улыбку, отчего его лицо скривила странная гримаса, – поступило сообщение от командира 801-й воздушной эскадрильи.

– И?..

– Четыре эсминца противника потоплены. На одном наблюдается обширный пожар, там сейчас барражирует вертолет. На перехват выдвинулся фрегат.

– Хорошо. А что линкор, есть изменения?

– Как поменял курс, – после некоторой паузы продолжил офицер, – так по-прежнему и идет в южном направлении. Параллельно ему милях в пяти по левому траверзу четыре эсминца и, по-видимому, легкий крейсер, хотя мы можем ошибаться.

– Да вижу, вижу, – снова взглянул на тактический план адмирал, – почти прямо в лапы «Вэндженс». Знаете что! Вы пока не давайте американцам наводку на большой корабль. Сколько нашим парням осталось для выхода на радиус пассивно-активного наведения?

– Вообще-то для выхода на дистанцию тринадцать километров не меньше трех-четырех часов. Уже совсем стемнеет, – ответил кто-то из офицеров.

– И это если «японец» не поменяет курс, – адмирал задумчиво тер подбородок. – Значит, так! Один «сорок второй»⁴⁰ на сопровождение и слежение за линкором, иначе мы его потеряем

³⁹ Действительный факт. Два боевых корабля Королевского флота Великобритании «Exeter» и «Southampton» выходят в море без управляемых ракет. Представитель Королевского флота заявил: «Sea Dart сняли с обоих кораблей по краткосрочному решению в целях экономии. Поскольку пусковые установки остались на кораблях, в случае смены операционных приоритетов ракеты снова могут быть установлены на эсминцы».

⁴⁰ Эскадренный миноносец типа 42.

до выхода подлодки на дистанцию удара. Пусть наши ребята отработают по нему «СпирФиш»⁴¹. А эти пять эсминцев уже сейчас может атаковать «восемьсот первая»⁴².

* * *

Над заданным квадратом, высоко в небе уже свистел двумя турбинами самолет радиолокационного дозора «Sentinel R.1.». Пять операторов, входящие в экипаж, визуально анализировали поступающую информацию. Правда, в зону локации еще не попали американские корабли, но самолет, глотающий расстояние на максимальной скорости, вскоре уже смог бы охватить весь район боевых действий. Возможности этой машины теперь были бы весьма урезаны. Тем не менее это не мешало РЛС самолета заглядывать под толстую облачность и обеспечивать вполне сносную детализовку изображения, поступающего на экран. Полученные данные передавались по радиоканалу на наземные пункты для обработки и изучения.

⁴¹ «Spearfish» – телеуправляемая торпеда калибра 533 мм, входящая в торпедно-минное вооружение подлодки «Vengeance».

⁴² 801-я морская воздушная эскадрилья.

Линкор «Мусаси»

Управлять многотонным кораблем – это вам не на истребителе гарцевать, там, где скорость реакции измеряется секундами, а то и поменьше. И тем не менее вице-адмирал Ибо Такахаси, вовлеченный в тягучую информативность рулей линкора, обширнейших расстояний океана, даже ориентируясь на скорые реакции современных видов оружия, по-прежнему полагался на капризы своей сиюминутной интуиции. Уже потом вдумчиво обосновывая свои приказы неожиданной (для самого себя) и устойчивой логикой.

Во всех армиях (нормальных армиях!) авторитет командира, беспрекословное подчинение его приказам являлось нормой. И главное для командира, отдавая приказ – надо быть полностью в себе уверенным, даже если сомневаешься, даже если приказ в корне неверный. Может быть, в какой-нибудь армии сугубо демократической страны, в тепличных условиях, возможно в тылу, например, обсуждение воли командира приемлемо, но только не в бою.

Потом уже, проводя так называемый «разбор полетов», выискивая ошибки и плюсы в решениях командования, можно с уверенностью и достоверностью сказать – прав был командир или нет в той или иной ситуации.

Это там, в теплоте да в уюте хорошо рассуждать: а вот если бы поступить так или эдак, и тогда...

В бою важно другое – кто-то взял или был наделен ответственностью и принимал решения. Волевые решения! Какие бы ни было.

И любое обсуждение приказа на войне чревато...

Чревато даже большими потерями, нежели некомпетентное командование или глупый приказ.

Так вот... вице-адмирал Ибо Такахаси.

Времени для размышлений и осмысления дальнейших маневров, казалось, у него завалялись. Линкор уже полчаса никто не беспокоил, потушили все пожары, боевые расчеты один за другим браво рапортовали о готовности биться и умереть.

Можно, конечно, обратиться к личности человека, попытаться влезть в его миллисекундные метания мыслей, проникнуться бытовыми неудобствами: щипало антисептиками, досаждало легкое скользкое ранение в предплечье. После атаки были полностью уничтожены флагманские помещения, выгорела каюта адмирала, вплоть до средств гигиены и личных вещей...

Но кто на это станет обращать внимание в боевых условиях?

А сколько эмоций вызвала гибель «Конго»? И невозможность попытаться спасти хоть кого-то. Тогда казалось, что минута промедления будет стоить жизни всему экипажу «Мусаси» и надо срочно менять курс, убраться подальше и быстро из данного квадрата.

И легким силам – эскорту, включая крейсера, было категорически приказано – рассеяться...

Потому что в условиях тотального превосходства противника в средствах обнаружения... и тех ресурсах ПВО, которыми располагали японские корабли (архаичными), именно в рассредоточении выделась тактическая отсрочка закономерного исхода этой нетривиальной и такой фатально-восхитительной игры со смертью.

...когда-то завожившая теория «стратегии поражения» одного превосходного (в соавторстве) «композитора повествований», и здесь, в этой невероятной реальности, отыграла свою чарующую и притягательную партию⁴³.

⁴³ Здесь, скорей всего, имеется в виду действительно великолепная книга (преклоняю колена) С. Б. и Е. Б. Переслегиных «Тихоокеанская премьера».

А на самом деле сложно!

Сложно и невыполнимо просчитать человеку, всю жизнь прожившему в другом веке с другими реакциями скорости и быстродействия, мобильность и коммуникабельность современного вооружения XXI века!

Да и решения людей! Современные люди, при всей их косности, склонности к оседлости и статичности, подстраивают свое мышление под скорую реакцию машин.

Дети прогресса, однако!

То, что англичане переигрывали противника по тактическим возможностям и коммуникабельности (не говоря уже о техническом преимуществе), это однозначно и бесспорно! Однако «Мусаси» по-прежнему был на плаву!

И так же, ощерившись стволами, боеспособен.

Поступил доклад – параллельным курсом идут пять эсминцев. Их командиры начали медленно сближаться с флагманом к дистанции прямой видимости.

Странно! Ведь был приказ, но... словно люди в момент опасности непроизвольно хотели сбиться в защитную стаю.

Великие размеры океанских просторов для скоростей каких-то там двадцати – двадцати пяти узлов словно останавливают время, тем более на такой огромной машине, не подверженной изнурительной качке и психологическому давлению ограниченного пространства.

Безбрежная, чернеющая с наступлением сумерек гладь во все четыре стороны света.

И только ставшая привычной вибрация корпуса от работы турбин, мерный напористый бой волны в нос корабля и белые, расходящиеся кипящей пеной усы от форштевней говорят о некоторой скорости корабля.

А еще небо, небо, которое, казалось, затянуто спасительными облаками, оказалось предателем – кроме вражеских патрульных самолетов уже ничего не обещало.

Небо ревело реактивными выхлопами и свистом раздираемого на больших скоростях воздуха. Небо для многотонного плавающего бронированного левиафана было непосильной стихией. Даже изрыгая вверх, в сизую клубящуюся завесу облачности по законам баллистики неэффективные куски металла в виде зенитных снарядов, линкор никак не мог подбросить и воспарить или выставить себя самого.

И зло сжимались кулаки, бороздилось суровыми морщинами лицо.

Подставленные ветру и рваному мелкому дождю, предательски слезились глаза...

Подслепогато шурясь на возникающие вдали всполохи огня и растущие в небо черные полосы дыма...

С полным бессилием наблюдая атаки вражеских истребителей на теряющиеся в волнах, в пяти милях по траверзу силуэты эсминцев.

Борзые короткокрылые стреловидные самолеты стремительно проносились вдали... порой, точно поглядывая, пролетали вблизи над линкором... и снова возвращались к своей безнаказанной бойне.

У кого это там было: «Погибаю, но не сдаюсь!»?

У камикадзе? У русских? В каком веке? В какой войне?

Адмирал приказал снова сменить курс, руководствуясь только интуицией.

На фоне нерадостных дум постоянно поступающие доклады, рапорты:

...потеряна связь с эсминцами...

...где-то там за пределами видимости сбит последний самолет-разведчик...

...до рандеву с судном снабжения по южному, юго-западному направлению критические показатели.

Необходимо сбавить ход до экономичного? – на штурманском столике пометки: широта, долгота условной точки встречи. Только если...

...если судно снабжения уже не обнаружено противником...

...если дотянем...

...если живы будем.

Линкор, роя носом волну, отворачивал от далеких европейских берегов южнее.

Союзные силы

Когда командир британской подлодки получил сообщение о смене курса вражеского корабля, он лишь хищно улыбнулся – время атаки оттягивалось. Он готов был всю ночь следовать за японским линкором как привязанный, и на рассвете, хоть при какой-то видимости, потопить его. Уж больно ему хотелось лично взглянуть на бронированного исполина.

И на результат атаки... намереваясь произвести видеосъемку через перископ.

* * *

Какое-то недоброе чувство посетило командира авианосца «Илластриес». Согласно приказу штаба, он с кораблями прикрытия выдвинулся в южном направлении, следуя на полном ходу вслед японскому линкору, сокращая полетное время ударных самолетов.

Теперь же эта самурайская махина изменила курс. И ему почему-то привиделось, как ребята на локаторах потеряли линкор, а тот снова отвернул с известных, и неожиданно оказался перед авианосцем на дистанции стрельбы из своего главного калибра. Чудовищного калибра.

Впрочем, быстро сделав некоторые расчеты, он усмехнулся, ругая себя за бурную и глупую фантазию – выдуманная им ситуация невозможна.

Уже невозможна. Королевский флот однажды допустил похожую оплошность... к стыду. Но это было в прошлой, казавшейся уже такой далекой войне⁴⁴.

Большее беспокойство у него вызывал широкий грозовой фронт, надвигающийся с северо-востока – редкостная пакость.

Ну да его ребята справятся.

* * *

Неприятный осадок остался у командира фрегата «Сент-Альбанс» после случая с избытым японским эсминцем.

Пилот патрульного вертолета, кружащего вокруг болтающегося на волнах выгоревшего острова, докладывал, что на борту есть еще выжившие. По геликоптеру поначалу стреляли из стрелкового оружия, но прекратили.

Потом вертолет ушел на дозаправку.

Кэптен фрегата еще издали стал рассматривать противника в бинокль. Японский корабль представлял жалкое зрелище. Эсминец и до этого, наверное, отличался стремительным, низким профилем, ныне словно распластался по воде: были срезаны или искорежены все надстройки, дымовые трубы и мачты. Хаотичной паутиной свисали с бортов леера. В почерневшем от копоти металле зияли рваные дыры. Сколько американский офицер ни вглядывался, не увидел ни одного не то что разбитого орудия, даже намека на станину или покореженный ствол.

«Видимо, поэтому уцелевшие из команды палили из личного оружия», – рассудил он.

Остатки экипажа на удивление потушили все пожары, а может, и гореть уже нечему было, лишь кое-где еще курился сизый дым, сбиваемый порывистым ветром. «Сент-Альбанс» подошел достаточно близко, чтобы можно было рассмотреть подробности уже невооруженным

⁴⁴ В 1940 году во время Второй мировой войны германский линкоры «Шарнхорст» и «Гнейзенау» потопили авианосец «Глориес» и два эсминца эскорта Королевских ВМС.

глазом. На палубе японского корабля находилось от силы человек пять, слышались крики, мелькнула сталь клинков.

– На кой нам эти пленные? – чертыхнулся старшина морской пехоты из досмотровой команды. Поправив висящую на плече штурмовую винтовку, он взялся за свой бинокль. – Святой Иисус! Да они пьяные!

В это время раздались приглушенные щелчки выстрелов – по-прежнему что-то кричащий, измазанный копотью азиат, поначалу размахивая маленькой бутылкой и клинком, вдруг отбросил пустую стекляшку в воду, выхватил пистолет и бегло разрядил всю обойму. Качка была приличная, и пули с большим разбросом, даже не взвизгнув поблизости от англичан, ушли в небо.

– Ах ты, сука! – Старшина выхватил из-за плеча оружие, выпустил длинную очередь.

Этот попал – со стороны японского судна раздались громкие крики, два человека упали.

– Отставить! – закричал командир.

– Сэр, неужели не видно – они сдаваться не будут, – в сердцах воскликнул старшина, – мне что, вести своих ребят на их мечи или перебить им всем для начала ноги? Да едва мы ступим на борт – они подорвут судно!

– Стоп машина! – приказал командир, и после небольшого раздумья: – Связь мне с командованием.

Однако решение японцев опередило радиоволны.

– Господи, – промолвил помощник капитана.

Командир снова перевел взгляд на вражеский эсминец.

Возможно, взрываться на израненном эсминце было уже нечему. Команда открыла кингстоны, вокруг борта заклокотала вода, медленно заглатывая покрытое копотью железо. Японцы стояли, высоко подняв клинки, нестройно выкрикивая какой-то свой гимн.

* * *

Нахмурил брови Трэвор Соар:

«Все-таки „японец“ поменял курс, и вся эта история, которая некоторым сначала казалась чуть ли не игрой, неприятно затягивается. А всё эти идиоты штатские в министерстве. Сейчас нажжем горючки, накрутим ресурсы техники, а в оконцовке один черт потратимся на новейшие ракеты».

...помимо того, что день угасал и вступала в права ненастная ночь.

Люди будто взяли паузу, попридержав своих «железных коней» – летающих, водоплавающих, подводно-плавающих... готовясь. К неизвестному «завтра», готовясь... убивать и выживать.

...и Его Величество Время взяло паузу, заглянув на десятки лет назад.

Атлантика. 1944 год

Пятые сутки подводная лодка кригсмарине U-211 впустую болталась в так называемом «золотом треугольнике» – к северу от Канарских и Азорских островов, на основных путях трансатлантических конвоев между Мексиканским заливом и портами британской метрополии. Корабли противника не появлялись. Первые две ночи субмарина, выставив шноркель⁴⁵ и перископ, осторожно маневрировала, пытаясь обнаружить надводные цели, лишь изредка подвсплывая для поиска пассивным обнаружителем радиолокационных излучений.

Шел сорок четвертый год, и немецким подводникам приходилось несладко. Англичане сумели наладить весьма эффективные способы борьбы с немецкими «У-ботами», выслеживая их с помощью радаров и самолетов, наводя на субмарины противолодочные миноносцы и катера, устраивая буквально избиение «волчьих стай».

С наступлением рассвета, опасаясь самолетов-разведчиков, вахтенный офицер лишь кратковременно поднимал перископ, наблюдая за поверхностью.

Днем не только не всплывали, но даже не рисковали передвигаться, выставив наружу трубу шноркеля. Его горловина хоть и обшивалась синтетическим материалом, делавшим невидимым для британских радаров, однако оставался риск, что лодку выдаст пенный след.

Двухсуточное крейсерство оказалось безрезультатным, вопреки сложившемуся мнению тучный район для подводной охоты оказался пуст. И если днем немцы продолжали осторожничать, то следующие ночи лодка проводила в надводном положении, галсируя на полных ходах вдоль и поперек своей боевой позиции.

Надежно работавшие дизеля U-211 позволяли делать 14 узлов в штормящем море.

Время шло довольно однообразно и скучно. За время похода лодка пропиталась вонью человеческих тел, испорченной пищи и вездесущей солянки.

Усталые моряки дремали или закусывали прямо на своих боевых постах.

Еда была отвратительной. Хлеб совсем размяк, превратившись в неприятную клейкую массу. «Салями» приобрела зеленый неаппетитный цвет. Конденсат и соленая вода пропитали пропотевшую одежду, разбавляя пищу, сделав все вокруг липким и влажным. Даже судовой журнал набрался влаги и разбух, став похожим на древнюю истрепанную книгу.

Всплывая на поверхность, можно было глотнуть свежего воздуха, но при этом субмарину изрядно болтало на штормовой волне.

Впрочем, опытные матросы уже наловчились перемещаться в узких отсеках не стучаясь головами о торчащие вентили, различные патрубки и клапана.

* * *

Командир подлодки капитан 3-го ранга⁴⁶ Карл Хаузе решил положить на патрулирование еще один день, а потом покинуть неурожайный район и вернуться на «большую дорогу» Северной Атлантики между Ньюфаундлендом и Ирландией.

Утро следующего дня выдалось туманным, видимость была плохой, умеренный северо-восточный ветер лишь слегка колыхал океан. Утренние сумерки задержались, что позволило U-211 погрузиться позже обычного.

⁴⁵ Шноркель – труба, через которую поступал воздух, позволяя лодке идти под водой на дизелях, не растрчивая энергию аккумуляторов.

⁴⁶ Соответствует рангу в *Kriegsmarine* (военно-морской флот) Третьего рейха корветтен-капитану.

Однако к полудню погода прояснилась, и, как следствие, усилился ветер, что для перископного наблюдения было не самыми благоприятными условиями. Лодка, застопорив ход, висела на перископной глубине курсом на восток.

Командир поднялся в боевую рубку. Центральный пост освещался лишь слабым мерцанием фосфоресцирующего циферблата компаса и небольшой, специально зачехленной лампой, висевшей над штурманским столиком. В полумраке едва проглядывались приборы, переключатели, вентили и другое оборудование.

За ним в углу виднелся подвешенный за трубу гидравлики последний копченый окорок.

Корветтен-капитан Хаузе вдруг вспомнил суматоху и хлопоты перед восьминедельным боевым походом. Тесное внутреннее пространство подводной лодки буквально набивалось продовольствием и боеприпасами. Поначалу жестяные банки, бочонки и картонные коробки тщательно отсортировывали и укладывали в определенном порядке. В то время как снаряды для 20-миллиметровой зенитки и 88-миллиметровой пушки нашли свое место в специальных помещениях. Остальные контейнеры с продуктами распределили по всей длине лодки. Их засовывали за трубопроводы и двигатели, распикивали между шкафами и шпангоутами, клапанами и люками. Внушительные копченые окорока, дурманящие аппетитными запахами, подвесили в помещении центрального поста. Деликатесы: взбитые сливки, кофе, масло и чай Хаузе сам запер у себя в каюте.

А в последний день, перед самым выходом был принят груз свежих овощей, яиц, хлеба и свежей воды. Яйца покоились в специальных бочках. Кочаны капусты рассовали в последние свободные щели. Остальные овощи ссыпали на две подвесные койки, позволяя им свободно качаться в носовом и кормовом отсеках.

От воспоминаний его отвлек стоявший вахтенным офицером штурман Фридрих Хансен. Он быстро доложил навигационную обстановку и уступил командиру место у поднятого перископа. Хаузе только что вернулся из своей каюты после кратковременного отдыха и выглядел несколько невыспавшимся. Все эти последние ночи он ни на минуту не покидал командного мостика, позволяя себе вздремнуть, только когда лодка утром переходила в подводное положение.

– Небо прояснилось, – согнувшись, он прильнул к окуляру, – горизонт по-прежнему пуст.

Крутнувшись вместе с вращающейся перископной площадкой на 360 градусов, Хаузе на последней фразе отпустил ручки перископа и повернулся к штурману:

– Командуйте погружение, будем вести только акустический поиск. Хватит искушать судьбу, – ладонями протерев осунувшееся лицо, добавил: – Вообще пора убираться отсюда.

– Разрешите уточнить прокладку курса, герр капитан, – обер-фенрих Фридрих Хансен был из молодых штурманов соединения, и если в основном среди офицеров подлодки были менее формальные отношения, Хансен строго соблюдал субординацию.

Получив разрешение, штурман проверил прокладку и через пятнадцать минут вернулся к исполнению обязанностей вахтенного офицера. Хаузе направился к трапу, решив пройтись по отсекам. Однако когда дошел до кубриков, выслушивая рапорт комендора, его прервали срочным вызовом.

Из переговорного устройства раздался возбужденный голос вахтенного центрального поста:

– Командиру корабля просьба срочно явиться в боевую рубку!

Едва командир вошел на центральный пост, помощник капитана обер-лейтенант Вильгельм Шульц осипшим голосом доложил:

– Акустик установил контакт, предположительно большой конвой. Пеленг – 270, удаление – 10, цель идет зигзагом средним курсом – 47.

– Отлично! – улыбнулся командир, оторвавшись от штурманской карты.

– Боевая тревога! Угол перекладки руля влево 210 градусов. Идем на сближение. Скорость шесть узлов. Глубина прежняя. Носовые торпедные аппараты изготовить к стрельбе. Доклад акустика каждые пять минут.

Дождавшись, когда помощник продублирует команды, командир, нахмурившись, пробубнил:

– Вилли! Пока не залечишь свою простуду, чтобы я тебя на открытом мостике не видел.

Ночной вахтой, а больше желанием подышать свежим воздухом после затхлостей субмарины, обер-лейтенант переусердствовал и порядком простудился, теперь хлюпая носом, однако на замечание командира лишь легкомысленно отмахнулся, сосредоточившись на своих обязанностях.

Тем временем по отсекам прошла легкая дрожь – заработали электродвигатели. В напряженной тишине слышалось характерное шуршание забортной воды о плавные обводы субмарины, слабое завывание электромоторов.

Через полчаса акустик стал выдавать более точные данные о составе конвоя.

Хаузе выругался – шесть крупных транспортов плотно прикрывали эсминцы, выписывая противолодочные зигзаги.

– Подняться на перископную глубину!

Дождавшись, когда отжужжит электромотор, поднявший перископ, взглянув в окуляры, командир снова чертыхнулся, отпрянул от перископа, давая возможность старпому бросить быстрый взгляд на происходящее:

– Посмотри на транспорты, переваливаются, как слоны, но эскорт...

Впереди по курсу маячили низкие силуэты эсминцев. И лишь дальше возвышались громады грузовых судов.

Насмотревшись, обер-лейтенант кивнул командиру:

– Попробуем поднырнуть под эскорт?

– Попробуем, – подтвердил Хаузе, отдавая распоряжение: – Опустить перископ! Руль право тридцать. Погрузиться на тридцать метров. Увеличить ход до шести... акустик, на контроль.

Субмарина тихо скользила на глубине, командир с секундомером отсчитывал время, по мере надобности уточняя:

– Акустик, дистанция?

...и получив ответ, корректировал:

– Право пять. Глубину на сорок.

...и снова десять минут:

– Дистанция? Еще право двадцать, ход поднять.

Лодка, поднырнув под эскадренным миноносцем, прошла под внешним кольцом охранения, ощутив на себе легкие уколы и колотушки «асдика». Теперь оставались считанные минуты, чтобы уточнить данные о взаиморасположении подводной лодки и атакуемых транспортов.

– Главмех, перископная глубина!

Повернувшись на перископной площадке, командир с четкостью автомата отдавал указания:

– Ход малый. Дистанция полторы. Две цели. Курс – 47. Угол атаки 50 градусов. Скорость шесть узлов. Руль лево десять. Ввести данные в автомат стрельбы. Рассчитать упреждение! Опустить перископ! Глубина хода торпеды семь метров. Первый, второй, третий, четвертый торпедные аппараты – товсь!

– Торпедный треугольник рассчитан, угол растворения три градуса, интервал пять секунд! – посыпались уточнения помощника: – Контроль выпуска! Лево по компасу десять!

– Первая пошла! – Пауза, следом возбужденный голос штурмана:

– Вторая торпеда вышла.

Два легких толчка и шипение из носового отсека, сопровождающее увеличение давления воздуха, сообщили о том, что торпеды вышли из аппаратов. Сжатый воздух, чтобы избежать появления на поверхности моря воздушных пузырьков, обнаруживающих ход лодки в погруженном положении, был стравлен внутрь, а не в воду.

– Лево пять!

– Торпеды из третьего и четвертого аппаратов пошли!

Лодка снова слегка вздрогнула, послышалось привычное шипение – сжатый воздух, разжав держатели, выпустил вторую партию торпед из аппаратов. Все напряженно замерли в ожидании.

– Сорок секунд, торпеды не достигли цели, – докладывал помощник, – шестьдесят секунд, первая торпеда...

Тут его прервал докатившийся до субмарины гидроудар. Лодку слегка тряхнуло, следом пришла вторая волна, заполнив подводное пространство глухим рокотом, колотя по корпусу тугими накатами.

– Попали! Срочное погружение, лево руля! Ход до полного. Погрузиться на пятьдесят!

По пенистому следу вражеские наблюдатели обнаружили торпеды. Грузенные транспорты ленивыми увальнями стали медленно отворачивать, но только второе атакованное судно успело уклониться.

U-211 успела пройти почти полторы мили, когда сравнительно далеко за кормой раздалась первые взрывы глубинных бомб.

– Поздно, ребята, – криво ухмыляясь, заметил корветтен-капитан.

– Может, они были заняты спасением экипажа транспорта, – предположил штурман, – а теперь примутся за нас.

И словно накаркал.

– С кормы быстро приближаются два эсминца, – тревожно доложил акустик. Затем послышались резкие металлические импульсы английской радиолокационной системы «асдик» – высокочастотная звуковая волна ударяла о поверхность лодки, как молоточек камертона, отражалась и возвращалась на эсминец эскорта. Британский оператор эхолота наводил охотника на немецкую подлодку.

– Право руль! – Командир согнулся над штурманской картой. – Фриц...

Но договорить ему не дали. Сначала акустик прокричал, что эсминцы прибавили ход, потом неожиданно справа и по курсу раздалась резкие взрывы, потрясшие весь корабль. В отсеках погас свет, полетели приборы, инструмент. Люди с трудом удержались на ногах.

– Лево руль! Держать курс! Устранить повреждения в отсеках! Черт возьми, кто это был?

Включилось аварийное освещение. Из отсеков поступали доклады о повреждениях.

– Штурман, мне не нравится это рысканье, держать курс!

– Повреждение горизонтальных рулей! – По лицу Фрица катились крупные капли пота.

Командир пытался резко поменять направление, надеясь, что образовавшиеся после взрыва массы пузырьков собьют охотников со следа, но субмарина шла почти прежним курсом, выписывая циркуляцию с большим радиусом. Ко всему, в торпедном отсеке образовалась течь.

Моряки, погруженные по пояс в холодную воду, боролись с бьющими из щелей струями, однако полностью преградить доступ воде они не могли... отсек медленно наполнялся.

– Слева по корме сто пятьдесят и двести шумы эсминцев! Идут на нас! – Голос акустика звучал почти бесстрастно, но появившаяся хриплость выдавала его волнение.

Командир чувствовал на себе вопросительные взгляды – люди ждали, какую он подаст команду. Снова импульсы «асдика» настойчиво и угрожающе колотили по корпусу лодки.

– Дистанция?

Акустик не успел ответить. Ставший почти фоном зудящий шум отдаленных винтов «охотников» вдруг резко навалился, заполнил все сжатое пространство рубки громкой дробью – над самой лодкой на полном ходу прогремел винтами эсминец. Секундами позже раздались оглушительные взрывы. Первое мгновение казалось, что U-211 раскололась пополам – лодку качнуло, мотнуло на правый бок, появился дифферент на корму. Двух механиков, занимавшихся горизонтальными рулями, выбросило из своих кресел в клапанное отверстие.

Погасло аварийное освещение. Плиты палубы подпрыгивали и били по ступням, отброшенные со своих мест подводники тут же вскочили, шаря руками в темноте, бросились на боевые посты. Моргнули, погасли и вновь выдали тусклый свет аварийные лампы. Лодка медленно выравнивалась с крена, а вот дифферент угрожающе рос.

Стальной корпус скрежетал и скрипел, клапаны раскрылись, прокладки баллера руля дали течь, вскоре днище кормы заполнилось водой.

Едва ли не все электроизмерительные приборы вышли из строя. Разбился пузырьковый дифференциметр.

Из отсеков, перебивая друг друга, докладывали о серьезных повреждениях, однако боевые посты на корме молчали. Глубомер быстро отсчитывал критические метры – лодка стремительно теряла плавучесть, все более опускаясь на корму. Вниз по центральному проходу покатилося все, что не было закреплено, включая цепляющихся за все возможные ступы матросов. Снова померк свет.

– Включить аварийное освещение! Всем перебраться в носовой отсек! – приказал командир.

Команда в полумраке карабкалась вверх на руках и коленях, опираясь на клапаны, насосы и любые подвернувшиеся выступы. Мимо Хаузе, выполняя приказ, без всяких эмоций проплывали мокрые, пропахшие машинным маслом, грязные и потные бородатые физиономии с налитыми кровью глазами. Вдруг послышался протяжный скрип. Казалось, что ужасное давление воды сейчас расплющит стонущий корпус подлодки.

– Продуть балласт!

Сжатый воздух высокого давления выдавил воду из балластных резервуаров. Это привело к просачиванию пузырей за борт, которые устремились к поверхности – отличная указка эсминцам противника для прицельного бомбометания.

Серия очередных взрывов ударила по лодке настолько чувствительно, что корпус треснул сразу в нескольких местах. Снова с минутной паузой мигнуло аварийное освещение.

Карл Хаузе понял, что это всё. Помутневшим взглядом он видел, как прямо перед ним лопаются по шву переборка. Из образовавшейся щели бешеным напором в разные стороны ударили фонтаны воды. Лопнула последняя аварийная лампа, и свет в его глазах померк.

«Уже навсегда», – подумал он.

Наше время

Международная космическая станция

(383 километра над уровнем моря)

– «Памир»! ЦУП на связи. Вы могли бы взглянуть на восточную часть Европы?

– Одну минуту. А что там надо увидеть? Она еще не вышла из-за горизонта, хотя... в атмосфере рябь какая-то присутствует... или с аппаратурой опять проблемы...

– Конкретней нельзя?

– Непонятно... Европа все еще на темной стороне.

Оставив коммутатор и взяв паузу с ЦУП, командир российского экипажа МКС Олег Котов пересекся взглядом с Масловым – бортинженером экипажа, пожал плечами на его молчаливый вопрос и продолжил ковыряться в электронных потрохах барахлящего блока.

Последние несколько часов на МКС выдались не просто напряженными – авральными и почти критическими. Волна отказов аппаратуры и вызванные этим аварии и паника докатились до космической станции лишь через полчаса, как все началось на Земле. Точнее, паника царила в центрах управления полетами, особенно в Хьюстоне.

У американцев к тому же пропала связь с большинством спутников⁴⁷.

А на орбите была напряженная работа, с давящим ощущением фатальной грани выживания. Оно, это ощущение, всегда присутствовало, несмотря на то что полеты в космос утратили романтический окрас, именуясь обыденным словом «работа». Но в этой повседневности всегда незримо висели факторы, которые делают работу космонавта не просто опасной, а смертельно опасной. Где нет места неверным действиям и человеческой ошибке, где и так присутствует возможный отказ техники: при старте, при прохождении через активные слои атмосферы, на орбите, от случайного метеорита или разгерметизации. Всегда остается определенный процент вероятности сгореть при посадке, да и просто гробануться о землю. И вот оно произошло... непредвиденное, штатное, но пока контролируемое.

Хрен знает, как там было у соседей... то бишь в американском сегменте станции. Тоже, видимо, аврально пытались восстановить системы. Только им наверняка хуже – у них электроники поболее напичкано. Периодически переговариваясь по внутренней связи с янки, Котов слышал, как они там то гундосили на своем англо-янкском, то орали факами, явно выходя на Хьюстон. Однако тоже без отчаяния, но явно требуя: вытащите нас отсюда!!!

Хотя вскоре всякое желание пересест в аварийный спускаемый модуль и рвануть на Землю прошло, когда им сообщили, что китайские космонавты, точнее тайконавты, долетели до поверхности на своем новейшем челноке в виде горящих фрагментов. Наверное, каждый из них примерил такую возможность и исход на себя. Внутренне холодея и плотнее сжимая губы.

Солнце едва лизнуло светящийся пузырь атмосферы над Восточной Европой. Котов возился с управлением внешней камерой, настраиваясь на съемку.

– Командир, – окликнул его бортинженер, – там американцы гомонят...

– Что?

– Подожди, сейчас определюсь. Так-так, а ну-ка поверни-ка камеру в сторону опорного сегмента P5.

– Ну...

– Черт... у них из «Купола» обзор лучше, ниже возьми...⁴⁸

– Что за ерунда! Автосопровождения нет, нахрен... сейчас увеличу.

⁴⁷ На тот момент на МКС находились только русский и американский экипажи.

⁴⁸ «Купол» – американский модуль МКС, представляющий прозрачный обзорный купол.

Изображение на мониторе резко увеличилось, слегка поплыло, размываясь контурами и снова обретая четкость, показывая изломанную конструкцию, ярко подсвеченную выглянувшими лучами солнца и оттененную полутонотой отраженного света от планеты.

– Что за ерунда! – еще раз повторил командир, оглянувшись на подплывшего в невесомости бортингенера.

– Это же Ю-87! Немецкий пикировщик «лапотник»! Вторая мировая! – Маслов даже провел по глазам ладонью, словно отгоняя видение.

Ю-87 «Юнкерс» смотрелся на орбите настолько чужеродно и нелепо своими изломанными крыльями, неубирающимися шасси, усами замерших лопастей в носу, что в реальность изображения абсолютно не верилось.

Самолет плыл в невесомости ниже МКС, на фоне величавого полудиска планеты, медленно вращаясь в разных плоскостях, словно хотел показаться во всей красе, подставляя взорам бортовой номер, кресты на крыльях и свастику на хвосте.

– Фильм дурацкий был, – с завороченной улыбкой прошептал бортингенер, – «Железное небо». Там гитлеровцы на Луне...

– Чушь, – Котов умудрился кивнуть и мотнуть головой одновременно, давая понять, что знает о фильме, и выражая бредовость возможности полета в космосе атмосферного самолета, – похоже на беспомощный дрейф.

– Да ладно, сейчас элеронами отработает, взревет Юмо⁴⁹, – уже более непринужденно улыбнулся Маслов и совсем дурачась продолжил: – А мы будем отстреливаться в иллюминаторы из табельных бластеров.

В неторопливом вращении некогда грозной машины люфтваффе Маслову почудилось нечто зловещее. Сверкавший до этого на солнечных лучах фонарь кабины повернулся к мягкому отсвету с Земли и стал почти черным со странным белым пятном на месте стрелка. Котов плавно повел джойстиком увеличения, и им представилась страшная картина: весь фонарь был заляпан почерневшей кровью, угадывалось лицо пилота с провалами рта и глаз. На месте стрелка вообще ничего нельзя было разглядеть, зато четко прорисовывалась побелевшая ладонь, примерзшая к остеклению.

– Не будем... – мрачно ответил командир, – ...из бластеров.

⁴⁹ Ju80 221 – немецкий поршневого авиационный двигатель времен Второй мировой войны.

Восточная Польша

– Гюнтер, вы что-нибудь понимаете?

– Черт побери, Эрих, не больше вашего, однако я уже не ищу так пылливо ответы. Извините, герр майор, от всех этих вопросов, которые у меня возникли только за последние сутки, мои мозги стали распухать и не вмещаться в голову. Так и хочется сделать дыру в черепе и выпустить всех этих мух вместе с тупой ноющей болью. Кстати, у вас осталось еще что-нибудь из запасов шнапса?

– Водка вас устроит? Польская. И премерзкая, скажу я вам.

При слабом освещении было видно, как устроившийся верхом на каких-то ящиках офицер в военной форме вермахта сороковых годов прошлого века с нашивками майора протянул руку с тускло мелькнувшей бутылкой, где плескались остатки прозрачной жидкости.

Принявший ее собеседник был облачен в черный, местами покрытый пылью мундир офицера СС, а знаки различия указывали на его звание – штурмбанфюрер.

Запрокинув голову, он громко забулькал, двигая кадыком.

Едва напиток кончился, эсэсовец шумно вдохнул в себя воздух сквозь подставленный кулак. Майор, до этого повозившись с вещмешком, вытянул что-то хрустнувшее, мелькнувшее белым:

– Зачем же так! У меня стаканы местные из пластика есть. И вот, пожалуйста, – протянул эсэсовцу зашелестевшую оберткой пачку печенья.

– Не могу я пить из этой их одноразовой посуды, все кажется, что она воняет химией.

– Это уж точно, – оглядываясь в темноту, поддакнул майор.

Немцы находились в приземистом вытянутом в длину подвале, точнее полуподвале, потому что небольшие окошки у самого потолка выходили наружу. Правда, только через одно их них и пробивался слабый свет, остальные были засыпаны песчаной почвой и мусором... в некоторых угадывались замершие лопасти вентиляционной системы.

Место давно было заброшено, краска местами облупилась, по углам и вдоль стен стояли матовые раскуроченные ящики. Торчащие из них провода указывали на их радиоэлектронное назначение, пол покрывал толстый слой пыли с редкими островками более крупного хлама.

– Этот «местный» говорил, что здесь располагались русские оккупационные части, – майор, включив фонарик, осветил обшарпанные стены. И брюзгливо счел нужным уточнить: – «Оккупационные» после победы в Мировой войне. Потом «империя Советов» развалилась, «иваны» ушли, побросав или уничтожив технику. Остатки растащили крестьяне из ближайшей деревушки, а этот бункер был присыпан землей и мало кто о нем знал.

Проследив взглядом за белым пятном света, штурмбанфюрер переключился на небольшую коробку, стоящую на соседнем с ним ящике. Пошелкав тумблерами, покрутив ручки и даже слегка постучав по крышке, он в очередной раз выругался:

– Проклятье! Сидим тут как в каменном мешке!

– Да бросьте вы уже этот «Телефункен», его уже не возродишь, – майор безнадежно махнул в сторону испорченной армейской радиации, зато со значением подбросил на ладони небольшой продолговатый предмет. – Лучше было запастись батареями к этим местным компактным штучкам. Сейчас бы знали, что происходит в мире. Время...

Он взглянул на часы... свет от фонарика, бликуя, отсвечивал от стекла, и ему пришлось уводить луч, чтобы рассмотреть циферблат:

– Янеш должен, по моим расчетам, быть только через час.

– Янеш? А-а-а, этот поляк. Кстати, вы ему доверяете?

– Не полностью, но сопоставив некоторые реалии нынешней жизни – все же склонен. Не всякий будет просто так себе свастику на плече выкалывать. По крайней мере, однозначно

могу сказать – он антисемит. Говорит (правда, я не до конца понял, что он имел в виду): «Ваш Гитлер, борясь с „еврейской заразой“, подложил всем знатную свинью в этом вопросе, умудрившись посадить весь мир на прививку терпимости и едва ли не неприкасаемости иудеев». Что бы это могло значить, может, хоть вы истолкуете?

Видя, что ответа не будет, армеец пожал плечами:

– И он вовсе не поляк. Как я понял, у него литовские корни. Хотя не плевать ли, – майор хмуро усмехнулся, – он говорил, что часто приходил сюда, когда здесь еще стояли русские связисты. Менял водку на бензин и всякий военный инвентарь. При этом, по его словам, занимались этим не только солдаты – офицеры!

– Мне до сих пор не верится, что мы проиграли этим варварам войну, – в сердцах бросил штурмбанфюрер.

– О! Вы-то когда погибли? В сорок первом? А я уже и весной сорок второго не сомневался, что с русскими-то наш любезный фюрер просчитался. Бог ты мой... да не сверкайте вы своими глазами, Гюнтер, вы же слышали, как сейчас относятся к Гитлеру. Даже немцы стыдятся того, что творили ваши ребята в концлагерях.

– Будь я проклят! Слушал я местное радио... и не таким уж наивным был и раньше, – с легкой досадой в голосе ответил эсэсовец. – Знаете, если бы нам тогда кто-нибудь сказал, что русские будут топтаться по нашей земле, никто бы не поверил... Попросту рассмеялись в лицо или глотку перегрызли. Кстати, что я чуть и не сделал, когда к нам уже здесь возвращалась память, и один не в меру словоохотливый ефрейтор стал рассказывать, как и чем закончилась война.

Он вдруг на минуту потупился, угрюмо сведя брови. Потом продолжил уже изменившимся голосом:

– А кто-то бы и призадумался, наверное. А? И действовал бы уже с оглядкой. Что скажете?

– Да уж, – согласился майор, – я помню то чувство безнаказанности и самоуверенности, охватившее всех нас! Плюс жесткая пропаганда господина Геббельса. Я где-то читал, что солдат, рискуя жизнью в стычке с врагом, тем самым покупает право чинить любое насилие уже и над пленным – он ведь мог вообще просто забрать его жизнь, а так...

– Лично я в плен сдаваться не собираюсь, – точно пролаял в ответ эсэсовец, – особенно этим... из Палестин. Это же надо было додуматься – создать еврейское государство. Что вы на меня так смотрите? Вам нравится нынешний мир? Я как-то урывками прослушал радиоканал из Фатерлянда... вы можете себе представить – в Германии! В Германии сидит в банке жидовская морда (судя по фамилии) и возмущается о падении каких-то там акций! И вообще...

– Тут, конечно, вы правы, – видно было, что майор практичный и деятельный человек – ведя беседу, он не переставал чем-то заниматься: перекладывал более удобно поклажу в вещмешке, забил пустой магазин к пистолет-пулемету патронами. Сам МП-40, расстелив на ящике найденный кусок бумаги, принялся разбирать, намереваясь почистить, – даже этот поляк-литовец сетовал на засилье банковской кабалы.

– Вот-вот. Как я понял, эти менялы и ростовщики добились своего, построив в этом мире свою грабительскую финансовую систему! Теперь сидят на денежных мешках, наверняка еще приbedнясь и вопя о геноциде. А Гитлер...

– Тихо! – Майор вскочил, выхватив пистолет, поднял другую руку в предупреждающем жесте. После некоторой паузы он, успокоившись, сел: – Послышалось...

Видимо, ему не давал покоя услышанный ранее подозрительный шорох, и теперь он спешно приводил в порядок полуразобранное оружие:

– Может, вы и правы. Я до войны занимался историей. Был такой завоеватель... азиат. Тамерлан. Так вот, разоряя земли Кавказа, естественно убивая налево и направо, он тем не

менее собирал ремесленников и мастеров с оккупированных территорий. Будучи пленными, они работали на его варварскую империю.

– Я понял вашу мысль. Вместо того чтобы облапошивать честных немцев, нужные евреи работали и на Рейх. Как должны работать на Германию остальные низшие расы, включая славян... и тех же поляков.

И снова майор предупреждающе поднял руку. На этот раз можно было сквозь бетонное покрытие бункера расслышать тарахтенье вертолета.

Звук, плавно усилившись, также постепенно затих.

– Я, конечно, не причисляю себя к ярим жидоненавистникам, – продолжил армеец, – в конце концов, евреи – это, прежде всего, люди, с их недостатками и, можете не сомневаться, достоинствами. Могу сказать, что среди них много весьма приличных и умных... Хотя одно неприятное воспоминание детства осталось. А первое впечатление, знаете ли, самое сильное.

– Избавьте меня от этих соплей! – оскалился эсэсовец. – «Много приличных и умных»... были бы евреи так умны, не доводили бы дело до погромов.

– Вы-то как начинали свою военную карьеру? – Майор передернул плечами, словно озяб, хотя в бункере было скорее душно от некогда затхлого воздуха.

– «Гитлерюгенд», потом Фогельзанг⁵⁰.

– О-о-о, так вы прошли все этапы.

– Не совсем, но... – и вдруг поинтересовался с нескрываемой иронией: – А какое это «воспоминание детства»?

– Родом я из Саксонии, Шенебек, – с каким-то удовольствием начал майор, – детьми мы носились по улицам, устраивая всякие игры. Был среди нас один мальчишка... в общем, он слегка заикался, да и был помладше. А дети, знаете, они бывают зачастую очень жестоки – мальчугану иногда доставалось. Признаться, мне сейчас стыдно об этом вспоминать. Так вот, когда мы порой обижали Рауля (его звали Рауль), он ходил в гости в соседний дом. Там жила одна еврейская семья. У них тоже подрастал отпрыск. Не знаю, как его звали, с ним никто не дружил. Этакий изгой! И почему-то запомнился внешне...

Майор, увидев кривляние и жесты собеседника, улыбнулся:

– Да, вы правы – маленького роста и носатый. Так вот... Рауля, инстинктом ребенка понимавшего, что он нам не ровня, тянуло к такому же ущербному в общении. А потом он вдруг резко перестал с ним дружить. Рауль потом рассказывал: он как-то пришел в гости (хочется отметить, что мы все тогда жили не очень богато – еще не закончилась Первая мировая война), а этот... этот маленький жид сидит, понимаешь, жрет шоколадные конфеты, нарочито, словно не видит гостя, а потом будто подачку протягивает одну... и эдак недовольно: «На-а-а».

– И к чему вы ведете? Хотя и догадываюсь... извините, что перебил, продолжайте.

– К чему я виду? Представляете, Гюнтер... эта маленькая иудейская дрянь уже с раннего детства воспитана в понятии, что все вокруг чернь, а он представитель избранного народа. Вот это меня больше всего задело... и взбесило!

– Признаться, ничего нового и удивительного вы мне не открыли. Удивительно то, что сейчас на нас охотится целое подразделение «обрезанных», специально переброшенное из Израиля. Мобильные, вооруженные до зубов, с вертолетами и... как их там... беспилотниками, со всякими электронными штучками. И если нас не уничтожат на месте, то предадут позорному суду!

Штурмбанфюрер вскочил и нервно зашагал по подвалу, почти печатным шагом, выбивая густые клубы пыли из-под сапог:

– Мне до сих пор не верится, что война была нами проиграна. Будь я проклят! А может, мы и есть секретное оружие фюрера?

⁵⁰ Фогельзанг, Зонтгофен, Мариенбург – орденские замки, центры по подготовке элиты СС.

Майор не ответил... устроившись поудобней, подложив под голову вещмешок, он, снова взглянув на часы – экономя аккумуляторы к фонарю, потушил его, теперь в полумраке ему приходилось подносить циферблат к самому носу.

Штурмбанфюрер продолжал вышагивать в замкнутом пространстве, что-то там вещая, но армеец уже его не слушал... Он медленно проваливался в воспоминания, пытаясь найти какую-нибудь логику и последовательность в череде последних событий, произошедших с ним, с его соплеменниками, стыкуя все с происходящим в этом мире.

Знания, полученные из прослушанных радиопередач... в редких урывках просмотра удивительно красочных и четких нынешних «современных» видеоизображений, были обрывочны и скудны. И не исключали версий, только что выдвинутых штурмбанфюрером! Хотя в этих фантазийных предположениях он был и не нов.

«Во всяком случае, что-то пошло не так», – навязчиво билась мысль в голове.

Майор не помнил момент смерти в той войне. Голод и этот проклятый русский мороз довел его, да и не только его – всю окруженную под Сталинградом шестую армию, до полного отупения и деморализации. Теперь ему совершенно не хотелось знать, замерз он тогда, укутавшись в старый потрепанный трофейный ватник, или во сне его накрыло миной, снарядом, да чем угодно.

Станным было ощущение даже не дежавю, а некое раздвоение памяти, пришедшее после.

* * *

А поначалу (как оказалось, в новой «редакции»... или реинкарнации) для них всех словно снова наступил 1941 год, словно не было победных маршей почти до Москвы... и неожиданного отпора и жутких подмосковных холодов. Не было пыльных приволжских степей и Сталинградского котла.

22 июня. Раннее утро. Впереди пограничные передовые отряды русских. И если экипажу он позволил поспать подольше, то сам бодрствовал уже часа три.

Теперь в ожидании выступления они уже час сидели в остывшем за ночь танке. Он снова поменял позу, поудобней заерзав в открытом люке башни, в который раз взглянул на часы. Скоро! Вдруг в голове словно что-то тукнуло – только что солнце лишь слегка красило горизонт, как буквально одним взмахом ресниц все померкло, и небо уже серело дождливыми тучами. На миг в глазах аж помутнело, но зрачки послушно раскрылись, приводя в норму зрительную функцию. Он снова зажмурился и широко открыл глаза, недоуменно вперившись в небо. А то словно того и ждало, косо сыпанув мелкой моросью.

– Черт побери! – Он недоуменно перевел взгляд на прикрытую ладонью папиросу – мелкие капли быстро, мокрыми серыми точками покрывали тоненькую белую полоску с огоньком на конце. Следом, при всей своей ожидаемости, вдруг в наушниках резанула команда к выступлению.

Тут уж стало не до вопросов.

Привычно взревели, фыркая бензиновым выхлопом, двигатели танков и полугусеничных бронетранспортеров, над головой уже свистели снаряды артобстрела.

Полк стоял на окраине небольшой польской деревушки, жителей которой вывезли еще две недели назад в целях скрытности дислокации войск. Ломая невысокие фруктовые деревья, танк неожиданно выскочил к небольшой оgrade, за которой высилась внушительная двухэтажная постройка. В окнах броско загорелся свет, и пока танк, проломив дыру в оgrade, катил по лужайке против дома, майор четко разглядел явно гражданских обитателей в ярких квадратах окон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.